

Александр Геннадьевич Щёголев
Зона Посещения. Избиение младенцев
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Радиант Пильмана», книга 10

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8912680
Александр Щёголев. Зона Посещения. Избиение младенцев: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088353-0*

Аннотация

Много жутких чудес Зона принесла на Землю, и одно из них – дети сталкеров. Давно уже в их семьях рождаются не только уродцы-мутанты, но и внешне обычные дети, обладающие совершенно фантастическими способностями, вызывая, с одной стороны, страх и ненависть обывателей, а с другой – острый интерес корпораций и всевозможных спецслужб. Военные мечтают вырастить суперагентов и суперсолдат, но исследования выходят из-под контроля, и аномальные дети оказываются приговорены. Хармонт сотрясают кровавые погромы, направленные против сталкеров и их потомства. Единственное спасение обреченных на уничтожение – сама Зона со всеми ее ужасами и ловушками. Группа малолетних «аномалов», преследуемая целой армией, уходит на запретную территорию, и ведет ее пятнадцатилетний мальчик, волей обстоятельств вынужденный стать вождем.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	51
Часть 2	56
Глава 1	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Щёголев

Зона Посещения. Избиение младенцев

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Щёголев А. Г., 2014

© ООО Издательство АСТ», 2015

* * *

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:

«– ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?»

– Полагаю, что нет. Радиант Пильмана – это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана – понятие, известное всякому школьнику.

– Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» – там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

* * *

Радиант Пильмана – это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля – Денеб. Денеб – это альфа созвездия

Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана».
Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине».

Пролог

Если хочешь после встречи с тахоргом уйти на своих двоих – прикинься бревном. Не дыши, не шевелись, не моргай, не глотай. И молись, чтобы ветер дул в твою сторону – авось тварь не учует, не услышит, не заметит.

То ли не знал всего этого Крюк, то ли просто дурной. Не выдержал, за огнем схватился. Восемнадцать лет пацану, старше меня на три года, а балбес.

«Лежи, урод!» – чуть не крикнул я ему и опомнился.

В этой игре – каждый за себя...

Направлялись мы в бывший Сити, был в старом Хармонте такой бизнес-район. Зашли через восточный КПП – как белые люди, с пропусками, подписанными самим Эйнштейном. Дело в том, что в Сити, в одном из офисов, Эйнштейн и потерял свой мешок с хабаром, когда спасался от «веселого призрака». Если не наврал про «призрак». Что за хабар – не сказал, да и не наше с Крюком это дело. Наше дело – дойти и вернуться. Эйнштейн – человек серьезный, сам не шутит и другим не даст, как-никак ведущий инженер «Детского сада» при Институте внеземных культур. Хотя в мешок его секретный мы бы носы, конечно, сунули, не удержались бы, чего уж стесняться.

Короче, началось все лучше некуда – благополучно пересекли сортировочный узел. Перебраться через «железку» – это, ребята, не мохнатку покурить, здесь гробануться легче, чем сморкнуться. Кстати, именно там, на железнодорожных путях, мы и нашли огнемёт, оставшийся от какого-то бедолаги. Бог весть, зачем тот чудаковатый пер по Зоне этакий багаж, у трупа не спросишь, если можно назвать трупом то, что сделала с человеком «давилка». Абсолютно нелепое в Зоне оружие. Гранатомёт – и тот был бы полезнее; я про автоматический, не реактивный. А Крюк вдруг загорелся и возбудился, при помощи веревки с «тройником» вытянул из ловушки выюк с двумя пусковыми контейнерами. Крутая, конечно, штукавина – ХМ-204, содранный с русского РПО «Шмель». Ракетный противопехотный огнемёт.

– Зачем тебе? – спрашиваю.

– Красивый, – говорит.

Формально – он старший. Хорошо хоть расстыковал выюк и взял только один выстрел.

Потом мы обогнули ТЭС, зацепив бывший центр города, жалкий и страшный. Прошли задами площадь перед ратушей, не рискнув сунуться на открытое пространство. И уже встали на прямую дорогу к Сити, уже видели в подробностях семиэтажку – самое высокое тамошнее здание...

Когда напоролись на тахорга.

Лесные твари крайне редко забредают в городскую черту, поживиться им здесь, кроме сталкеров, нечем, а сталкер – дичь раритетная и капризная. Ну, то есть возможность такой встречи занимала нас постольку-поскольку, в аномалию бы не вляпаться, с тропы бы не сойти, а твари – они где-то там, ближе к горам.

С другой стороны, нюх у тахорга феноменальный, пары молекул в воздухе достаточно, чтобы почуять добычу. Так и этак не спрячешься. Разве что в подъезд дома какого-нибудь нырнуть... но вокруг, как назло, пустыри.

Короче, идем это мы, держа курс на сгоревший мотель, как вдруг из-за черных руин такая машина выпрыгивает. Прыжок у тахорга – под пятнадцать ярдов. Он застывает, встав боком к нам, и смотрит одним крошечным глазом. Второй – на другой стороне плоской морды. Задние лапы – как лыжи, длиной со все его туловище, снабженные выдвижными когтями размером с ятаган, не меньше. А сам он габаритами с лошадь. Крутит высоченными ушами, сканируя окрестности. Слух у тахорга острее, чем нюх, хотя, казалось бы, куда уж острее. Ты сглотнешь с перепугу – он услышит.

Из уголков приоткрытой пасти сочится мутная тягучая слизь, тянется до земли, падая клексами, которые тут же начинают бурно пениться. Кислотность выделений, мягко говоря, зашкаливает.

И еще вонь, от которой путаются мысли и рождаются глюки...

Говорят, это бывший заяц, измененный Зоной. Не знаю, но с виду и вправду похож. Наверняка еще и медведь в мутациях поучаствовал, покрыл, насмотревшись порнухи, анормально выросшую зайчиху. Шутка. Зона горазда на сюрпризы: каждый год что-то новенькое преподносит. Появились эти уроды сравнительно недавно, год-полтора назад, так что тактика борьбы с ними пока не отработана. А тахоргами их сначала называли русские эмигранты. Говорят, в каком-то популярном фантастическом романе были такие чудища. Не знаю, не читал, но название прижилось.

Расстояние до твари – ярдов восемьдесят, бежать назад поздно. Вот Крюк и начинает чудить: быстро берет огнемёт на изготовку, выщелкивает прицел, взводит ударный механизм.

Звуки выдают нас.

– Сдохни, дрянь! – орет тогда этот дурак, пуская ракету.

Грохот оглушает. Реактивная струя, вырвавшись сзади из стального тубуса, шибает по кустам.

Но зверюги на месте, конечно, не оказывается. Термобарическая капсула пролетает мимо цели и взрывается где-то у домов. Там, вдалеке, еще только распухает огненная гора, а тварь уже возле нас – глаз не успевает отследить эти смазанные прыжки, слившиеся в одно движение. Тонна агрессивного мяса швыряет Крюка на землю и наваливается сверху – слышно, как хрустят кости. Комбинезон мгновенно вспорот. Передние лапы у тахорга вооружены когтями совершенно жуткого вида, причем не лапы у него, а натуральные руки, с пальцами. В пасти торчат две пары длиннющих и тонких, как спицы, клыков – снизу и сверху. Этими спицами он обычно сдирает с добычи кожу – как кору с деревьев. С живой добычи... Крюк еще жив, когда им начинают лакомиться. Визг его пробивает вату в ушах, и оторопь моя проходит, и я понимаю, что вот сейчас единственный шанс.

Делай ноги, сталкер, пока зверь отвлекся на твоего друга...

Друг... Не пустое слово. Пока бегу к разрушенному мотелю, воспоминания мелькают обрывками веселого фильма. Как Крюк помогал мне в далеком детстве пугать мою няню, добывая мышей и лягушек, даже паука-птицееда однажды приволок. Как я делал за него домашние работы по математике и физике, мне-то все это раз плюнуть, а он защищал меня от джанков с восточной окраины, особенно от банды Сэндвича. Как я раскодировал ему спортивные и ночные каналы на кабельном ТВ, а он, хохмы ради, уговорил меня подключить к порнухе еще и его соседа-пастора, и какой потом был скандал...

Мчусь прочь, изо всех сил надеясь, что на пути бегства нет аномалий. На ходу достаю любимый «глок» и досылаю патрон.

Даже слезу пустить некогда, голову бы свою сберечь. Милая молодежная комедия обернулась хоррором.

Хочу спрятаться в гостиничном гараже (стальные двери уцелели при пожаре). Есть ли внутри ловушки? Выясним потом. Под мотелем прочно и навсегда обосновался «ведьмин студень», об этом Эйнштейн предупреждал строго, но насчет гаража не было сказано ни слова, и на карте пометок нет... Жаль, успеваю добраться только до автостоянки, давно превратившейся в кладбище машин. Ощущаю спиной толчок воздуха, буквально кожей ловлю смрадный выдох и на рефlekсах ныряю вбок – за сгнивший «плимут». Тварь проносится мимо и застывает, потеряв меня из виду.

На четвереньках обползаю машину, приподнимаюсь и осторожно смотрю поверх дверец – сквозь окна без стекол.

Тахорг с неуловимой грацией разворачивается ко мне боком и снова застывает. Выделения из пасти танцуют на ветру, пронзительно воняет тухлятиной. Глаза черные, мертвые, как пластмасса, а посажены так, чтобы обеспечивать круговой обзор. Поднимаю пистолет, отчетливо представляя, как приходит в движение предательский воздух вокруг меня. Стрелковое оружие против тахорга, по словам знающих людей, почти бесполезно, разве что крупнокалиберный пулемет сгодился бы. Куда стрелять – в мозг, в сердце? Мозг у него крохотный, поди достань, учитывая вдобавок, что черепная кость толщиной пять-шесть дюймов. Из пистолета точно не пробьешь. А сердце у него не одно, минимум три. Или больше. Да и вообще есть у меня подозрение, что, пока боевая пружина в пистолете сработает, пока боек до капсюля долетит, он успеет не просто отпрыгнуть, но и засечь, откуда звук донесся, – тут и конец охоте. В тех редчайших случаях, когда тахорга удавалось прикончить, не обошлось без фантастического везения. Да и то если везунчики не привирали.

На удачу надеюсь и я, больше не на что.

Ждать, ничего не предпринимая, нельзя: зверь ведь не уйдет, не бросит добычу. Сейчас двинется по кругу, останавливаясь и приносясь. Одиночными прыжками. Время стремительно утекает...

Сильное искушение выстрелить ему в глаз, вдруг не успеет среагировать. Глаз-пуговичка. Черная точка на огромной мишени. Как в такую попасть?.. Нет, лучше в ухо. В основание этого здоровенного сверхчувствительного микрофона. Если не промазать, тахорг на время лишится слуха, и ему станет не до меня.

Ну же, решайся! Риск – благородное дело, как говорят русские.

В качестве упора – оконный проем «плимута». Медленно прицелиться, медленно выпустить из легких воздух и задержать дыхание, медленно нажать на спуск. Все, как учили... еще медленнее... выстрел!

Тахорг взвился – с удивленным возгласом, похожим на человеческий. Совершил несколько стремительных, но беспорядочных прыжков, на миг замер, тряся головой, отмахиваясь лапами-руками от чего-то несуществующего, и понесся вокруг автостоянки.

Похоже, я попал...

Теперь – спрятаться. Исчезнуть с этого места, пока монстр про меня забыл, пока круги, которые он нарезает, не превратились в фирменную спираль. Хоть бы он вляпался в «плешь», хоть бы сгорел в «прожарке», мечтаю я... но все это вряд ли. Твари Зоны безошибочно чувствуют ловушки, то ли задницей, то ли каким другим чувствительным органом.

О чем я? Каждая потерянная секунда стоит жизни.

Убежать не успею, сам себя насажу на клыки взбесившейся дряни. Остается одно – залезть в машину, в этот убогий гнилой «плимут», носивший когда-то славное имя «Road Runner», – и переждать. Нагретая за день ржавчина должна перебить запах перепуганного подростка. Если еще и стекла удастся поднять... Дергаю дверцу.

Не открывается.

Дергаю изо всех сил. Нет, прикипела, более сорока лет прошло. И не разваливается, зараза. Топот приближающегося чудовища поступает от земли прямо в мою голову, скручивая в трубочку паникующие извилины, и тогда я лезу в машину через окно.

Зад застрял. Бывают в жизни моменты, когда плохо быть взрослым. Впервые я пожалел, что быстро мужаю. Опираясь на руки – вьюсь змеей, пытаюсь вползти в салон. Трухлявый диван подо мной проваливается. Надо же, здесь впереди цельный диван, не разделенный на кресло водителя и пассажира. Вот вам и спортивный кар... Чувствую, застрявший таз начал продвигаться. Пошло, пошло!

И вдруг...

Что-то случилось. Мир страшно вздрогнул, крыша автомобиля прогнулась. Слово «вдруг» – это боль, она пробивает голову и вонзается в мозг... ага, это просто мои ноги

зажало. Потому что на крыше топчется, сминая тонкий металл... Кто? Кто там – пылко сопит?

И опять что-то происходит, что-то космическое. Меня рывком швыряет и бьет – то ли о небесный свод, то ли о потолок «плимута». И сразу – легко. Я вваливаюсь в салон (наконец-то!), отжимаюсь на руках, оглядываюсь и вижу отвратительную смрадную морду – крупным планом. По иглам-клыкам стекает пена.

Тахорг стоит на задних лапах. В когтях у него застряли человеческие ноги: висят, покачиваясь. В каждой лапе – по одной. Зато у меня ног больше нет, оторваны по колено. Из обрубков хлещет кровь.

Как же так, обижаюсь я непонятно на кого.

Почему – я...

Зверь стряхивает куски аппетитной плоти. В окно автомобиля влезает огромная мохнатая пятерня, кинжальные когти нависают над моим лицом. Короткий удар – и свет в мире выключен.

Потом выключают и сам мир.

Часть 1 Инициация

Глава 1

Крюк ждал меня в маленьком холле, успев одеться. Глаза его горели.

– Тоже убили? – спросил он, радостно скалясь.

– Иди в задницу, – махнул я ему рукой.

Молча стер с себя электролит и бросил полотенце в бак. Закапал в нос капли: после индуктора, как обычно, у меня дико свербило в переносице. Плохо переношу нейроконнекторы. Хорошо хоть их через ноздри вводят, а не, к примеру, через... ладно, замнем.

Я принялся одеваться. Из «тренажерной» я вышел в одних плавках.

– Тебе огнемёт зачем был нужен? – спрашиваю. – Поджарить тахорга? Мечтатель!

– А что, по-твоему, было делать? Бить тубусом, как дубиной?

– Целиться нужно было в землю. Всадил бы файербол посередке, между нами и тахоргом.

– Он бы испугался и сбежал?

– Мы бы сбежали, идиот! Через стену огня он бы не полез. А то даже в зоне поражения оказался, если б не притормозил.

Из серверной явился зевающий инженер и констатировал:

– Сегодня вы почти дошли. Чуть-чуть не хватило.

– Злее будем, – отвечаю. – В следующий раз дойдем.

Влез в мокасины на босу ногу, перекинул ветровку через руку, готовый свалить из лаборатории.

– Подожди, злой, – попросил инженер. – Что скажешь-то? Какой диагноз?

– Да круто все! – восхитился Крюк. – Система рулит!

Инженер пусто взглянул на него.

– Шли бы вы в свою подсобку, мистер геймер, не вас спрашивают.

Крюк смолчал, не то было место, где можно задираться, если хочешь попасть сюда еще разок.

– Я бы на вашем месте проверил модуль осязания, – говорю этак солидно.

– А что не так с модулем осязания?

– На терминальной стадии выпадали тактильные ощущения.

– Ничего себе – выпадали! – опять вмешался Крюк. – Да когда тахорг меня свеживал, я думал, все, дуба врезал! Чуть не спятил!

– Почему ты думаешь, что это не программный сбой? – спросил инженер, не обращая внимания на придурка.

– Потому что глюк слабовыраженный и нестабильный. При программном сбое совсем другая картина. У вас либо контакты засраны, либо, возможно, блок питания перегревается.

Насчет блока питания я знал – там у них сгорел датчик температур. Но дать точную наводку не мог себе позволить. Местный инженер – хороший парень, однако это не повод, чтобы перед ним открываться. Если даже Крюк ни о чем не догадывался...

– Ну, давай проверим, – предложил инженер, распахивая передо мной серверную.

– Нет, спасибо, – отвечаю вежливо. – У меня с собой нет тестеров, а я только своими инструментами пользуюсь. Давайте я завтра снова зайду, если Эйнштейн позволит.

– Тебе – не позволит? – ухмыльнулся он. – Приходи завтра, буду только рад.

Когда я уже был в коридоре, инженер вспомнил:

– Кстати, Эйнштейн просил тебя зайти.

Крюк вышел следом.

– Ты сейчас куда? – спрашиваю его.

– Куда... Я ж на работе. Этот циркач послал меня в подсобку, значит, в подсобку... А ты куда после Эйнштейна?

– Заскочу к матери, как обычно. Вечером встречаюсь с Сэндвичем, помнишь? Ты мне в связи с этим кое-что обещал.

– Будь спокоен, с Сэндвичем мы сделаем все ювелирно...

Крюк работал здесь же уборщиком. То ли поближе к Зоне захотел быть, то ли к мамочке. В колледж не пошел, раздолбай. Его мать тоже здесь горбатилась, на пару с моей, мало того, они были подругами по жизни.

Толкнули друг другу в плечо и разошлись.

* * *

На самом деле фамилия у главного инженера – Эбенштейн, но весь «Детский сад», разумеется, переименовал в Эйнштейна. Думаю, мужик не в обиде за такое прозвище, как, кстати, и я за свое. Разрешите представиться, Питер Пэн, он же Пан, – вот он я, вхожу в административный коридор.

В лаборатории нейроиндукции, которую мы с Крюком только что почтили своим присутствием, мистер Эбенштейн начинал программистом. Именно ему принадлежит основная заслуга в создании работоспособной модели Зоны. Служба инфильтрации (то бишь военные сталкеры) тут же пыталась наложить на нее лапу, да обломалась. Ценность модели в том, что все известные на сей момент процессы, творящиеся за Периметром, имитированы максимально точно, а достоверность в ощущениях натурально сводит с ума. Ложишься в саркофаг-индуктарий – и ты за Чертой. В аду... Эйнштейн меня туда пускает, ясное дело, не за красивые глаза. Я у него тестировщик, пусть и нештатный. И вообще у босса ко мне неформальное отношение, но это мы замнем, чтоб сплетни не разносить. Что касается Крюка, то его пускают на тренажер по моей настойчивой просьбе, иначе сомнительный получается тест – в одиночку по Зоне. Нынешние сталкеры уже забыли, как по одному ходят, канули в Лету безбашенные семидесятые.

Единственный недостаток «тренажера», что это все-таки модель. Настоящей Зоны с ее ловушками, аномалиями, а главное, с разведанными тропами здесь мало. Карты с тропами – они ведь кровью рисуются, никто их просто так не отдаст, чтоб какой-нибудь задрот программную модель подкорректировал. Плюс к тому аномалии в реальной Зоне нестабильны и ведут себя как хотят: пропадают, возникают в новых местах. Правда, кое в каких местах виртуальной Зоны все предельно точно. «As is», как говорят торговцы. По слухам, сильно помогла информация, снятая с блока памяти какого-то блуждавшего по Зоне робота, потерявшего и потом найденного, но, может, это только легенды...

А вот и стеклянная стена, отделяющая коридор от приемной господина главного инженера. Красотка Бел, повернувшись ко входу задом, наливает в огромную кружку дымящееся пойло из кофейника. Картинка! Босс не любит пить кофе из игрушечных чашечек, предпочитает настоящие мужские кружки.

– Мяу, – окликаю секретаршу.

Она полуобернулась. Смачная попка, стянутая черными брючками (ох уж этот дресскод), казалось, вот-вот вырвется из плена.

– О, маленький Пэн? – Улыбнулась. – Босс тебя ждет.

Улыбалась она не просто профессионально, а виртуозно: вспыхивала, как лампочка. Но я тешил себя иллюзией, что со мной она хотя бы чуточку искренняя. Эх, был бы я постарше годов на пять, мечталось мне, да ростом повыше на полфута...

– Как поживает твой планшет? – спрашиваю. – Больше не глючит?

– Ой, Пан, ты гений.

– Знаю, – скромно соглашаюсь.

– Я думала, придется выбрасывать и новый покупать.

– Зачем выбрасывать, если у тебя есть я?

Она послала мне поцелуйчик с ладони.

– Детка, хватит кокетничать, – донеслось из кабинета. Дверь была приоткрыта. – Гони молодого человека сюда.

Мистер Эбенштейн – воплощение демократичности. Как ни странно, он не из военных. В нашем Институте, да еще на должности начальника, трудно не быть военным, но этот как-то исхитряется. Носит джинсы и терпеть не может пиджаки с галстуками. Говорит медленно и негромко, тогда как у военных чем выше чин, тем голосистее варежка. Вдобавок сутулый. Осанка и выправка – это не про него. Так что дядя вовсе не из жаб, зеленых снаружи и серых внутри... А годов ему – уже под сорок, увы.

Когда я вошел, он стоял возле аквариума и смотрел на рыбок. Я сразу напрягся. Когда босс вот так медитирует, жди чего-то хренового.

Аквариум располагался в стенной нише. Когда-то, помню, стояла эта штуковина в центре кабинета на специальной тумбе, но с некоторых пор была спрятана подальше от посетителей. Из соображений безопасности. Безопасности рыбок, кого ж еще. Однажды босс – в собственном кабинете! – выписал добрую плюху мистеру Кейси, педиатру из «Детского сада», а тот, полетев на пол, своротил попутно аквариум. За что был нокаутирован горе-врач, осталось за кадром, но стекло в посудине разбилось, лавина воды рухнула на ковер. Эйнштейн, надо его знать, из тех чокнутых, которые не просто обожают своих рыбок, а болеют ими, вот и помчался он банки искать, воду срочно набирать... Хорошо человека характеризует, не так ли?

Я еще порог кабинета не переступил, а он мне – как будто швырнул:

– Какого черта ты стрижешь «образцы»?

– Я? – изумляюсь. – Мистер Эбенштейн, вас ввели в заблуждение. Парикмахер из меня никакой.

Он подошел к своему столу и выключил комп. Не свернул задачу, не затемнил экран, а сразу обесточил. Неужели из-за меня? Побоялся, что сниму важную информацию? Ох, боюсь, мои скромные способности, которые все труднее скрывать, в конце концов меня спасают...

– Не делай морду кирпичом, Питер. Мне тут видео из охраны принесли, как ты с Мышки шерсть состригаешь.

Камеры здесь повсюду, трудно укрыться. Даже в сортирах скрытно установлены, хотя сотрудников уверяют, что уж там-то нет. Как же, нет! Если кому спинной мозг и задурили, то не мне, я-то знаю точно про каждый такой девайс. Вот только не думал я, что мои забавы с ножницами будут для кого-то интересны.

– Да просто клочок срезал, – говорю.

– А в начале недели – у Стива-Крикуна и у Долли. Как это понимать?

– Да просто... ну, это... для берегов.

Делаю вид, что мне неловко и стыдно.

– Ты веришь в эти суеверия?! – возмутился он.

Сам знаю, что суеверие, тем более биоматериалы мне понадобились совсем для других целей. Но есть на свете чудачки, которые всерьез надеются, будто шерсть человеческих

мутантов уберегает от гнева Зоны. Какие только слухи не бродят среди ходоков на ту сторону.

– Подожди, Питер... – вдруг сообразил Эйнштейн. – Ты что же, за Периметр намылился? Совсем сбрендил!

– Да не себе я. Маленький бизнес. Если дураки готовы платить монету за отстриженные клочки меха, не спорить же с ними?

Вошла красотка Бел, демонстративно поискала, куда поставить поднос. Резко запахло бурдой, которую они здесь называли кофе. К напитку секретарша принесла сливочник, сахарницу и вазочку с песочным печеньем. Поднос был поставлен на деревянную столешницу.

– Что-нибудь будешь? – спросил меня босс.

– Тоник, если есть.

Кофе я предпочитаю брать в институтских автоматах, о чем никогда не признаюсь в этом офисе. Бел очень болезненно воспринимает любые сомнения в ее кулинарных способностях. Она отправилась за моим тоником, а босс, доливая в кружку сливки, задумчиво произнес:

– Когда с тобой общаешься, Питер, волей-неволей забываешь, сколько тебе лет. Такое чувство, что ты гораздо старше, чем выглядишь.

– А так и есть. Я продукт инопланетной евгеники, моя функция старения равна константе. Зря, что ли, Питером Пэном прозвали.

Смешки его как отрезало.

– Что ты несешь?! Ты что, ничего не понимаешь? У некоторых людей очень плохо с чувством юмора.

Понимаю ли я?

Однажды меня о том же самом спросила мама. В двенадцать лет. Я тогда пару раз перескочил через классы, не испытывая никаких затруднений с учебой. Она нашла пачку домашних работ со сплошными «А»: там были даже «А» с плюсами и «А» с восклицательными знаками. Мало того, учитель по физике под отличной оценкой приписал: «Похоже, коллега, мне вас больше нечему учить». Тут мама и сорвалась. Вывела меня из дома на улицу, огляделась и сказала: хватит выпендриваться! Хочешь выделиться из толпы? Делай у себя на голове ирокез или что там у вас ценится, делай тату и пирсинг, носи штаны шиворот-навыворот и задом наперед, ходи босиком. Но со школой – остановись. Окончить ее нужно если не в семнадцать-восемнадцать, то хотя бы в пятнадцать. Почему, возмутился я. А ты посмотри на соседей, почитай газеты, послушай телевизор, изучи граффити на задворках, попросила она меня. Осознай, какие вещи у нас делают с мальчиками и девочками, похожими на тебя... Сказала и ушла в дом. Я постоял в одиночестве, вдыхая вечерний воздух. И все понял.

...А вот и Бел с моим тоником. Смотрит на нас вопросительно: чего, мол, не поделили. Иногда она куда больше похожа на строгую мамашу, чем на вышколенную секретаршу. То ли роль играет, то ли правда испытывает к боссу не совсем служебные чувства. Сует мне банку и вдруг замечает, что на столе...

– Сколько ж можно просить?

Эйнштейн, как обычно, расплескал кофе, когда размешивал сахар. Во время разговора он работает ложкой, как миксер.

– Не трогайте ничего, я за тряпкой. – Она вздыхает с подчеркнутым упреком и уходит, крутанувшись на каблуках.

В Институте это почти невозможная ситуация, чтобы секретарша устраивала начальнику семейные сценки, особенно кому-нибудь в погонах. Однако Эйнштейн терпит, чуть ли не поощряет.

– Вечно она ворчит, – жалуется он мне. – Привычка у меня есть – стучу ложкой о чашку. Тоже ох как раздражается... – Он берет кружку и печенье. – Давай-ка мы, братец, проветримся и покурим.

Пока Бел не вернулась, выходим на балкон.

– А теперь прикрой, чтобы щелкнуло. Поговорим без чужих глаз и ушей...

Телекамер я у него в офисе не засек, но прослушкой, само собой, там и правда все нашпиговано. Здесь – чисто.

И красиво.

В здании – пять этажей; мы на последнем. Зона практически под ногами, вид отсюда – как из VIP-ложи на стадионе, хоть бери бинокль и наблюдай за играми пришельцев. Спрашивается, чего красивого может быть в руинах? А того, что этот здоровенный кусок города, осыпавшийся и страшный, – лучший памятник человеческой цивилизации, какой я видел. Искусственная природа в чистом виде. Если б это был нормальный город, живой и полный людей, то ничего такого насчет памятника даже в голову бы не пришло. Но тут – смотришь, и пробирает всего. Когда какая-нибудь заброшенная территория растворяется в обычной земной природе – и то впечатляет; когда же все это медленно и неотвратно пожирается нечеловеческим миром – взгляд оторвать невозможно...

Сейчас в Зоне тихо. Оба завода затянуты маревом, и там, над землей, кишат в беле-сой дымке исполинские призрачные черви, слепленные из ничего, а в низком небе над ними расползаются жирные кляксы цвета металлик... Это все миражи. Оптические аномалии. Зона прочно защищает себя от чужих взглядов, особенно если смотрят сверху. Над Зоной постоянно что-то летает или висит – космические аппараты, высотные самолеты-разведчики, беспилотники. И все насмарку. Искажения идут по всем частотным диапазонам, от рентгеновского до электромагнитного. Оптика выдает не картинку, а порнуху, как выразился один инженер. До сих пор не то что карту, даже приблизительные зарисовки не состряпали – за столько-то лет. Вот и получается, что достоверную картинку можно получать только изнутри, от тех отчаянных ребят, для кого Зона – единственный босс, достойный уважения. Такая ситуация жутко бесит чванливых жаб в погонах, уверенных, что Земля крутится согласно их приказу.

Закуриваем. Эйнштейн предпочитает сигареты. Я обычно курю сигариллы.

– Видишь ли, Питер, бывают в жизни ситуации, когда выглядеть идиотом не стыдно, – говорит он мне, запивая сигаретный дым своим кофе. – Сейчас как раз такая. Я ни о чем тебя не спрашиваю, и мне плевать, как у тебя это получается, я просто хочу, чтобы ты проверил охранную систему «Детского сада». Негласно. Никто не должен ничего понять.

Вау! Ничего себе заявка!

Он ставит кружку, перегибается через ограждение и молча смотрит вниз. Отлично виден двухэтажный корпус, пристроенный к основному зданию под прямым углом. Это, собственно, и есть «Детский сад», сердце филиала. Где-то там сейчас моя мама. И мама Крюка – там же. Детский корпус выходит торцом непосредственно к Зоне, к воротам в Стене. По ту сторону ворот, на территории Зоны, организована «игровая площадка» для мутантов. Сейчас ворота закрыты, дети сидят внутри здания.

– Размышляешь, провокация или нет? – продолжает босс. – Мальчик, если б я желал тебе зла, давно сдал бы нашим препараторам. Без всяких провокаций. Мне на самом деле нужна твоя помощь.

– В каком смысле «проверить»? – осторожно спрашиваю.

– Не бойся, только электроника и электромеханика. Схемы, платы, проводка. Надо выяснить, не испорчено ли где чего или, наоборот, не появилось ли посторонних включений. Только в детском корпусе, во всем филиале не надо. – Он показал рукой на двухэтажное здание. – Охранную систему Периметра тоже проверь. – Показал на ворота, ведущие в Зону.

– Как мне попасть в серверные и пультовые?

– Пойдем вместе. Предположим, главный инженер устроил экскурсию племяннику.

– А зачем все это? Вы боитесь чего-то конкретного?

Эйнштейн придвинул губы к самому моему уху и прошептал:

– Жду катастрофу.

Резко отодвинулся. Джемпер его буквально весь был обсыпан крошкой от печенья: увлекается человек, когда кушает сладкое, что с ним поделаешь. Ох и попадет ему от строгой секретарши... Ну что ж, не хочет давать расклад, значит, так тому и быть. Ситуация скользкая, но и отказаться я не могу. Очень уж продуманно он начал встречу с довольно серьезных обвинений.

– Если я все сделаю, вы расскажете, что за артефакт спрятали для меня в тренажере? – спрашиваю я в шутку. – Сколько за ним хожу, все не дойду до Сити.

Шучу, но не совсем. Почему-то мне важно знать, за какой такой виртуальной хреновиной я каждый раз охочусь?

Эйнштейн отвечает с веселой хитрецей:

– Не расскажу.

И что-то случается. Воздух словно вздрагивает, до нашего балкона доносится гулкий хлопок – как пробку из огромного шампанского вынули. Далеко, не страшно, вроде как отношения к нам не имеет... но вдруг погас свет. За нашими спинами – в кабинете у босса; а также во всех окнах филиала – разом. Погас двухэтажный корпус «Детского сада»... Здание обесточили.

Эйнштейн, потемнев лицом, рвется через балконную дверь обратно к себе. Облом. Замок автоматически заблокировался.

– Приплыли...

* * *

Как потом выяснилось, группа радикалов из клана «Новый Ирод» сожгла подстанцию, питавшую восточную часть Хармонта. Пострадали дорогие коттеджи и кое-какие объекты городского подчинения, однако ненависть у налетчиков, ясное дело, вызывали не они. Акция была направлена против «Детского сада». Говорят, охрана подстанции никакого сопротивления не оказала, даже пальцем не шевельнула, чтобы пресечь безобразие. И военные патрули словно вдруг ослепли. Оно и понятно при нынешних настроениях. А еще, говорят, молодые патриоты не канистры с бензином использовали, а целый баррель прикатали, натуральную бочку. Ее и подорвали. Короче, бетонный кубик выгорел капитально. Поймали этих молодых или нет, я не знаю, да оно и без разницы.

Пока не включился аварийный генератор, мы с Эйнштейном так и торчали на его балконе. Бить стекло он не захотел. Дверь в кабинет была разблокирована через несколько минут, а в полном объеме подачу энергии восстановили чуть позже.

И пошли мы с тайной инспекцией.

Детский корпус сравнительно невелик, так что времени это заняло немного. Вышли во дворик перед Зоной, поглядели на ворота. Как именно я выполнял просьбу, Эйнштейна словно не интересовало, он не то что не следил за моими действиями – принципиально не смотрел на меня. Может, отвлек боялся. Или не был уверен, что я действительно способен найти дыры в охранной системе. Светским общением, правда, он не пренебрегал.

– Насчет твоего «маленького бизнеса» на мутантах. Думал ли ты о своем будущем? Вот ты окончил школу... Что дальше?

– Технологический колледж. Документы уже там.

– При желании ты закончишь его за два года. (При желании – за месяц, мысленно усмехнулся я.) Потом что? Университета в Хармонте нет, а из города тебя не выпустят.

– Потом будет потом.

– Есть способ хорошо зарабатывать, не нарушая правил. Формально тебе далеко до совершеннолетия, но, если родители согласятся, я могу устроить тебя в Институт официально. Формируется новый отдел, как будто специально для твоих талантов. Биоэлектроника, киборгизация «образцов».

«Образцами» в «Детском саду» называли подопытных детишек.

– Я читал, они отторгают любые включения, ничего нельзя вживить под кожу.

– Нет-нет, перспективы хорошие. Скажу тебе честно, Питер. Этот новый отдел – единственная надежда спасти «Детский сад». Если его еще можно спасти, – добавил он с горечью.

– А что такое?

– Ничего не чувствуешь? Это ж буквально в воздухе...

Все, что он мне вещал, было очень интересно, я ведь и вправду мечтал закрепиться здесь на законных основаниях. Но одна заковыка мешала порадоваться. С какой стати Эйнштейн меня опекает? Давно я об этом думаю. У него особое отношение к моей маме, которая работает здесь же педагогом-воспитателем. С другой стороны, репутация по части служебных романов у Эйнштейна идеальная, человек он строжайших правил, так что, уверен, никакой грязи. Короче, есть тут какая-то тайна. Учитывая, что папа мой на самом деле приходится мне отчимом, волей-неволей заподозришь, а не господин ли главный инженер, как бы культурно выразиться... биологический отец некоего Питера Пэна? Папа, кстати, здорово недолюбливает Эйнштейна...

– Подумай над перспективами, – подытожил он, когда наше путешествие закончилось.

Я доложил ему, что ничего достойного внимания по части электронных схем не заметил. Он выслушал мой вердикт со всем уважением.

Положа руку на сердце, это не было правдой. Зацепился мой придирчивый взгляд за контроллер, спрятанный в разводке под плитками подвесного потолка. Этот фрагмент цепи располагался в коридоре первого этажа «Детского сада» – в закутке с туалетами и кладовкой. Контроллер отвечал за открывание ворот на «игровую площадку» в Зоне, давая сигнал на замок и двигатель. Вся система управлялась из пультовой комнаты, но эта крохотная коробочка, как промежуточное звено, показалась мне, честно говоря, узким местом. А удивило меня то, что в коробочке были две одинаковые схемы: по сути, два дублирующих друг друга контроллера. Работало устройство штатно, и я промолчал. Решил, что параллельная схема нужна для надежности.

Дурак...

Просто в тот момент мне казалось все это шелухой, чужими трудностями. Как бы вы, мистер Эбенштейн, ни вовлекали Питера Пэна в ваши странные игры, думал я, Питер Пэн будет решать только свои дела.

Покидая филиал Института, я вернул себе мобильник, который при входе всегда отбирают. Отдалившись на добрых три квартала, позвонил Сэндвичу.

– На сегодня отменяем, – сказал я в трубку.

– Это почему? – насторожился Сэндвич.

«Почему». Авторитетный вроде джанк, а задает детские вопросы.

– Сегодня не смог, меня в прошлый раз спалили. Попал с ножницами в кадр. Завтра я что-нибудь придумаю.

– Ну, смотри, если кинешь...

– Если кину, утрешься.

Русские таких джанков называют просто гопниками. Любят англосаксы всякому дерьму красивое название подобрать. Я отключил этого дурака и сплюнул на асфальт.

Глава 2

Дома-то у нас только по-русски говорят. Мама считает, это важно, чтоб от корней не отрываться. Так что с детства у меня заворот извилин, потому что мир вокруг говорит совсем на другом языке. Учитель английского, помню, пристал однажды: каково это – думать на двух языках? Ответил, что есть у меня под черепушкой специальный переключатель.

На самом деле работа такого переключателя от моей воли мало зависит. Думаю я на том языке, на каком в данный момент говорю, вот и весь секрет. А когда молчу, то хрен его знает, на каком языке мыслю. Ловлю себя на том, что в русской фразе некоторые слова вдруг – английские. Или наоборот.

К чему я веду? К тому, что, когда эта дама обратилась ко мне по-русски, я почему-то ответил ей по-английски. Ни секунды не колебался, ничего не переключал в голове. Само собой получилось.

– Какой милый мальчик, – объявляет она без улыбки и палец мне в грудь упирает. – Мистер Панов-младший, я полагаю? Отец дома?

То ли акцент меня смутил, то ли этот палец, украшенный накладным ногтем. А может, ее «Ягуар» – с водителем, похожим на боксера (в обоих смыслах).

– Да, мэм. На оба вопроса, – откликаюсь я, используя язык господ.

– Показывай, куда, – распоряжается гостья и следует внутрь дома, заставив меня отступить.

Ростом она пониже, но смотрит как будто сверху. Возраста непонятного, загорелая, с ровной кожей лица. Хвост из волос небрежно заколот. Одета в легкий светлый пиджачок цвета кофе с молоком, под которым демократичная майка «Лакоста» с крокодильчиком вместо кармашка. Брюки-бермуды. Пиджак помялся в машине, а это значит – из натуральной ткани. Синтетика ведь не мнется. Помятый костюмчик идеального покроя – это верный признак дороговизны и хорошего портного.

Имея папу-сыщика, научись понимать такие вещи. Хотя для понимания хватило бы ее сумочки и туфель из змеиной кожи под цвет майки.

На лоб сдвинуты зеркальные очки...

Странно и тревожно мне стало. Не из-за манер, плевал я на их манеры, из-за чего-то другого. Папа вышел из кабинета, бодро воскликнув:

– Кого там принесло?

Вот тогда я и *увидел*. В ту секунду, когда гостья потянулась рукой к своей голове, то ли поправить прическу хотела, то ли еще что.

Очки ее зеркальные были не только очками! На самом деле это был девайс, нашпигованный электроникой, как гнилье опарышами. Один сплошной чип со сверхбольшой степенью интеграции. По первому впечатлению – компьютер, дополненный видео- и аудиорегистраторами, а также какими-то микродатчиками, назначение которых с ходу не распознаешь. Короче, грязная шпионская шутовина, откровенная дрянь.

– Мне вас рекомендовала миссис де Лосано, – говорит эта дама. – Вы ей когда-то очень помогли.

Ни «доброго вечера», ни «приветика». Руку папе не подала ни для пожатия, ни для поцелуя и глядит на него, как и на меня, сверху вниз.

– Де Лосано... – отозвался папа, отчего-то дернув лицом. – Помню. Почему бы вам не прийти завтра в офис?

– Во-первых, мистер Панов, дело срочное, а во-вторых, вы должны меня понять правильно, ваш офис слишком на виду.

– Питер, иди к себе... Вы, собственно, кто?

– Моя фамилия Рихтер.

– А ваш муж, простите за любопытство...

– Да, вы правильно поняли, – оборвала она его. – Я супруга мистера Рихтера.

– Питер, пошел вон, – подтолкнул меня папа.

Они дружно посмотрели, как я поднимаюсь на второй этаж. «Прошу в кабинет, мэм», – услышал я, прежде чем вбежать в свое логово.

Скорей! Нельзя упускать ни слова.

Комната в мезонине – моя хай-тек берлога, мой центр управления полетами. Подключаюсь к камерам, которыми отец оборудовал свой кабинет. Звук дает микрофон, вмонтированный там у него в столешницу. Частному сыскарю без такой страховки невозможно, любой самый пустячный разговор с клиентом должен быть записан и сохранен в архиве. Правда, не уверен, что папа благожелательно воспринял бы тот факт, что его чадо незримо присутствует при всех этих разговорах. И вообще не знаю, как бы родители отреагировали на то, что весь наш дом – под моим надзором.

Сбор информации, ничего личного. Тем более когда такие змеи к нам в дом вползают.

Прежде чем сесть, леди бросила на стол свою сумочку. Усевшись, выложила портсигар – типа атрибута власти. Достала сигарету... Обычно женщина, которая пришла просить, кладет сумочку на колени, но эта привыкла быть главной, а значит, должна занять как можно больше пространства. До чего же они примитивны, породистые хищники. Потом леди закурила, не спрашивая разрешения. Она пришла, конечно, не курить, но времени тратит ровно столько, сколько считает нужным.

– Для начала, правильно ли я понял из ваших слов, что ваш супруг господин Рихтер это *тот самый* господин Рихтер? – спросил отец и подвинул ей пепельницу. Потом вытащил из стола диктофон.

– Да, я жена Носорога, – равнодушно ответила она. – Того самого. Послушайте, Макс... Будьте любезны, уберите эту штуку. – Она показала на диктофон. – Никаких записей.

– Нет проблем.

– И закройте ноутбук.

– О как! У меня в кармане мобильник, вам его показать?

– Да, если не трудно... Благодарю. Выключите его. – Она дождалась, пока отец выполнит требование, пустила сигаретный дым к потолку и твердо закончила: – А теперь отключите всю регистрирующую аппаратуру в этом помещении. – Небрежно обвела рукой пространство.

После чего опустила свои странные очки на глаза, хотя свет в кабинете, мягко говоря, не назовешь ярким.

– У вас паранойя, мэм, – ровным голосом сказал отец.

– Вы хотите меня уверить, что вон там и там – не видеокамеры, а муляжи? – Гостя дважды показала пальцем. Мне у экрана показалось – на меня. – А вот тут у нас под носом разве не микрофон?

– Даже комментировать не буду.

Она со вздохом воткнула сигарету в пепельницу и достала из сумочки коробку размером с сигаретную пачку.

– Это генератор электромагнитного импульса. Большой мощности. Если его активизировать, вся электроника в этой части дома выйдет из строя.

«Не верь ей!» – хочу крикнуть я. Она блефует, она ни за что не включит свою бомбу, иначе ее «очки» тоже выйдут из строя!.. Отец встает:

– Мадам Рихтер, будет лучше, если вы уйдете. Я в восторге от визита такой важной особы, но угрожать мне не позволено даже супруге уважаемого Носорога.

«Мадам...» Надеюсь, такое обращение оскорбило леди.

– Сядьте, Макс, – брезгливо сказала она. Опять по-русски, чтоб веселей было. – Разве это угрозы? Угрозы – это если бы к вам явился, ну, к примеру... Живчик. Помните Живчика, надеюсь? Явился бы и начал искать здесь некоего Пинк Флойда. Потому что вдруг выяснилось бы, что некий Антисемит, их общий и хороший друг, сдал всех с потрохами. А лучше если бы Живчик с порога спросил: где мочалка, Макс? Где мыло? А потом направился в полицию. Или, еще верней, в комендатуру.

Отец сел и ответил тусклым голосом:

– Если вам нужна хорошая работа, зачем этот шантаж? И при чем здесь комендатура?

– Мне рассказывали, что вы упрямец, но я не предполагала, что до такой степени. – Она перешла на английский. – Итак, ваше решение?

– Разговоры я фиксирую только в интересах дела. Но если клиент категорически возражает...

Отключил! И камеру, и звук!

Делать нечего: скатываюсь на первый этаж, в спешке собираю на кухне поднос – бутылку минералки, два пива из холодильника, два высоких стакана.

«Ухо» кладу на дно стеклянной вазочки и сверху насыпаю крекеры, типа к пиву. Стекло лучше керамической, вызывает больше доверия, потому что прозрачная. А «ухо» совсем крошечное. Умеет работать в двух режимах: как клиент, управляемый базовой станцией (Wi-Fi у меня по всему дому), или как диктофон, записывающий звук автономно. Я оставляю автономный режим, чтобы подозрительная мадам со своими «очками» не засекла обмен сигналами.

Несу весь этот натюрморт в кабинет.

Когда открываю дверь, успеваю услышать: «...Я пришла к вам как мать». – «А уважаемый Носорог в курсе этого визита?..» Оба они, обнаружив непрошеного зрителя, молча созерцают меня, и тогда я изображаю гостеприимного простачка:

– Только-только из холодильника... Папа? Мэм?..

– Ставь, – кивает он на стол.

– Мамино воспитание? – усмехается она.

Я скольжу к столу, согнувшись, как заправский стюард. Мэм воротит нос, но мне на нее плевать, я здесь по другому поводу. Освобождая поднос, рассматриваю «импульсную бомбу» в пачке сигарет и четко вижу, что внутри – ничего похожего ни на аккумулятор, ни на катушку. Обманка это, блеф. Дамочка, наверное, любит играть в покер.

Ну и ладно. Моя импровизированная шпионская операция прошла гладко, прослушка восстановлена. Скоро все узнаю.

* * *

Я называю Макса папой, хотя формально он мне отчим. Мой биологический отец вовсе не он, а кто – мама на этот счет не распространяется. Хранит молчание, как пишут в романах. Говорит, чтоб я не забивал себе башку всякой дурью, потому что мы этого человека больше не увидим, бросил он нас, подлец, и накрылся медным тазом. Во всяком случае, в Хармонте его нет, не было и быть не может. Так она говорит. Вот и получается, что я, Петр Максимович Панов, не знаю даже, русский я по крови или метис какой.

На мой прямой вопрос насчет национальности мама однажды рассердилась: мол, ты землянин, дружок! Живя под боком у пришельцев, быть человеком – уже хорошо. Она права.

Скорее всего с моим биологическим отцом связана какая-нибудь унылая банальщина. Разгадки эти меня давно уже не волнуют. Что касается Макса, то он не просто заменил мне

отца, а стал им. Честно сказать, другого мне не надо, и фамилия «Панов» устраивает меня чуть более чем полностью.

Мы даже похожи внешне, нас часто принимают за родных. Оба приземистые, широкие в кости, только папа – натуральный шкаф, крепкий и сильный, а я – так, прикроватная тумбочка. Правда, и моя низкорослость обманчива, как и моя всегдашняя обаятельная улыбка. Если дам в торец, кто-то будет лечиться. Иногда, увы, такое приходится проделывать, чтоб поддержать репутацию.

Согласно семейным преданиям, отец Макса сорок лет назад работал в хармонтском Институте внеземных культур, представлял здесь русскую науку, и звали его Кириллом. Кирилл Панов. Зона убила этого человека, он стал чуть ли не первой жертвой аномалии, которую потом назвали «серебряной паутиной». Судя по отзывам современников, талантливый был мужик, во всяком случае, у нас в семье принято гордиться таким предком. И осталась после него молодая жена, сотрудница советского консульства в Хармонте. Потеряв мужа, она вернулась на родину, в СССР, где вскоре и родила сына – Максима Кирилловича. Замуж больше не вышла, храня верность мужу, а когда СССР развалился, когда родная Украина достала ее до печенок, навсегда перебралась в Хармонт – поближе к могиле мужа, чтобы в свой срок лечь рядом... Не подошел пока ей срок, моей любимой бабушке, благополучно живет она через несколько домов от нас.

Что касается подросткового Максима, то никоим образом славный его отец не стал для него примером. По молодости сталкерствовал он в черновыльской Зоне, а потом, наигравшись, эмигрировал сюда, вслед за своей матерью. Остепенившись, взял в жены соплеменницу, женщину с маленьким ребенком (со мною, собственно). Мама моя – она тоже из эмигрантов. Оба они прибыли в последнюю волну эмиграции, то есть еще до всех этих дел с военными переворотами и полным закрытием Хармонта. Но познакомились уже здесь, когда мне было три года.

Своих детей бывший сталкер Макс намеренно не заводит, не хочет плодить уродов. Феномена «детей сталкеров» никто пока не отменял...

Такова наша история, если кратенько.

Любопытно, что среди эмигрантов – большинство тех, кто в своих странах тоже жили возле Зоны. Искатели лучшей жизни то ли неосознанно, то ли сознательно меняют один Периметр на другой. Феномен.

Папе Макс, прямо скажем, повезло, устроился он получше многих. Несколько лет отпахал простым оперативником в бюро «Маршал», а теперь – своя фирма, пусть и крохотная. Чтобы чужаку получить лицензию – это надо из кожи вон вывернуться. Без знакомств в контрразведке или среди военных тут шиш чего добьешься, но такие связи чреваты встречаемыми просьбами, так что приходится по ниточке ходить. Любой, даже самый невинный бизнес в Хармонте отличается своеобразием, а уж частный сыщик – это, ребята, цирковой канатоходец без страховки.

Чем старше я становлюсь, тем больше беспокоюсь за папу.

* * *

Пока они там в кабинете толкуют, я времени не теряю. Лезу в Сеть. Прежде всего – Носорог. Что за чудовище такое завелось в наших саваннах?

Оказалось – тяжеловес в мире местной фауны. Ганс Рихтер, гангстер и меценат, ценитель прекрасного, главарь крупной столичной банды, известный своей жестокостью и скрытностью. Инфы на него крайне мало, фоток нет, сплошные слухи. Например, такой: через банду Носорога идет практически весь нелегальный поток алмазов и золота в эту часть континента, и в настоящий момент он с хрустом дотаптывает незадачливых конкурентов. Мало

того, опять же по слухам, он близок к тому, чтобы подмять под себя всю контрабанду в стране, целиком, не только алмазы с золотом... Касательно скрытности. Отсутствие фоток в Сети отнюдь не случайно, этот персонаж не терпит публичности. Мало кто его видел, да и слышал о нем тоже мало кто. Я вот до сего момента не слышал. Где живет, неизвестно, вместо биографии – прочерк. Не человек, а отзвук.

Ну и что понадобилось супруге Носорога в нашем захолустье?

Не нравится мне, как эта стерва прижала папу. Причем дважды. Сначала – упомянув с порога, как бы невзначай, про какую-то миссис де Лосано. Папа явно напрягся, услышав эту фамилию. А уж потом – Живчик, Пинк Флойд, Антисемит, непонятные мочалки с мылом...

Поиск по Живчику, Пинк Флойду и Антисемиту, понятное дело, ничего вразумительного не дал, кроме, разве что, кучи ссылок на песни известной группы. Нет, ясно, что это чьи-то кликухи, но чьи? Сталкерские, надо думать. Оно, конечно, папа был когда-то сталкером, но только в прошлой, в русской жизни! Здесь-то он добропорядочный и законопослушный гражданин.

Поиск по «Де Лосано» более продуктивен. Выясняется, во-первых, что упомянутая дама – кузина одного из заместителей коменданта. Во-вторых, четыре года назад случилась с ее семейством одна история. Мне тогда было всего одиннадцать, вот и пропустил. А дело получилось шумным. У миссис де Лосано пропал сын – член клана «За Чистый Город», активист по кличке Зиг Хайль. Антимутантское движение в то время не набрало еще нынешней силы, организации типа «Новый Ирод» и «За Чистый Город» были немногочисленными компаниями, состоящими из молодых оболтусов и маргиналов. Но появилась откуда ни возмись версия, будто этого Зиг Хайля похитили аномалы. Поползли слухи о существовании якобы тайного сообщества «детей сталкеров». Бред, короче. Тем не менее страсти разгорелись нешуточные. И, похоже, именно тогда пошла первая волна гонений на «детей сталкеров». С поддержкой СМИ, с разными акциями. Народ-то роптал и до того, но с опаской. Как вдруг все эти обывательские фобии выплеснулись на улицы, причем при явном попустительстве военной администрации. Правда, до настоящих беспорядков все-таки не дошло... А через три дня сынок этот пропавший, младший де Лосано, внезапно объявился сам – возле собственного дома, живой и невредимый. Ничего не помнил – как, где, что. Репортеры разнюхали, что парень был в Зоне, откуда, видать, и вернулся таким дефектным. Или его кто-то по-тихому там разыскал и вернул мамочке.

Про участие Макса Панова в той истории – ни слова. Какова была папина роль, чем он «помог», как изволила выразиться мадам Рихтер? Ответ вообще-то напрашивается, если вспомнить, чем папа зарабатывал по молодости на жизнь...

Спрошу у него при случае. Даже интересно, что он мне соврет.

Поиск по словам «мочалка» и «мыло» дает ссылку на артефакты Зоны. Честно говоря, что-то подобное я и ожидал. Не ожидал только, в связи с какой аномалией эти артефакты будут упомянуты. С «душевой». С той самой, братцы, с той самой...

«Душевая» – это легенда, каких сотни накручено вокруг нашей Зоны. Якобы существует за «колючкой» место, откуда можно попасть в остальные пять Зон на планете Земля. Хочешь – в черныбыльскую, хочешь – в корейскую. Или, скажем, в сибирскую, в монгольскую, в американскую. Сходил – и вернулся назад. Этакie дыры в пространстве. Известно также, что без специальных артефактов через портал не пройти, и «мочалка» с «мылом» как раз из числа таких штуковин.

Если стерва имела в виду именно эти артефакты, спрашивается, каким боком здесь папа Макс?

Мне вдруг становится страшно за него.

Когда беседа в кабинете закончилась, и папа сдал клиентку с рук на руки водителю-боксеру, я спускаюсь к нему:

– Интересное дело?

– «Интересное», – фыркает он. – Еще скажи «перспективное»... Это все литература, Петушок. Интерес у нас всегда один – чем толще пачка хрустящих, тем интереснее.

Изображает бодрячка, но я-то вижу – увял мой папа. Дело ему явно не нравится, и отказаться не может. Зачем-то добавляет:

– Не связывайся с богатыми, малыш. Душу вынут, а чтобы вернуть, тебя же платить заставят.

Все, больше не до разговоров: он торопится уходить. Быстро собирается. Курсирует между кабинетом и кухней, и нет пока никакой возможности унести вазу с «ухом». Пристегивает к поясу «пожарную» сумочку, как он ее называет, укладывает под пиджак шокер. Проверяет наличие пропуска, позволяющего колесить по городу после наступления комендантского часа. Он уже почти ушел, но тут со смены возвращается мама.

Смена у воспитателей в «Детском саду» – двенадцать часов, с восьми до восьми. На трудовое законодательство, понятное дело, в Институте давно положили огромный болт, но двенадцать часов подряд вытирать сопли маленьким аномалам – это, скажу я вам, каторга. Мама не приходит домой, а приползает, выжатая до костей. Напарница ее Каролин, мать Крюка, вообще, как вернется, целый час сидит, ни на что не реагирует... Короче, в обычный день папа отвел бы маму на веранду, усадил перед телевизором и ничего не позволил бы ей делать. Но не сегодня.

Обнял ее, поцеловал.

– Не жди, – говорит, – малышка, приду, наверное, к утру.

«Малышка» на полголовы выше мужа. А он шире ее раза в два. Смешно – со стороны.

Она целует его в ответ, и это вовсе не дежурный поцелуй... За что я благодарен своим родителям, это за то, что они сохранили нежность друг к другу, хоть и столько лет вместе. Их отношения, вся атмосфера в семье – лучшее, что есть в моей жизни. А то насмотрелся я на некоторых своих дружков, для которых самое страшное наказание – возвращаться вечером домой.

– Что-то случилось? – тревожится мама.

– Ничего. Клиент нетерпеливый, роет землю рогом.

– Береги себя.

Папа, махнув рукой нам обоим, исчезает за дверью. Не скоро я теперь его увижу...

Роет землю рогом, думаю я. Представляю себе, как жена Носорога, красноглазая, поросшая шерстью, встав на четвереньки у нашего крыльца, упирает рог в газон и выворачивает изрядный ком. Я смеюсь. Вроде бы книжка была – «Трудно рыть рогом»... как-то так. Или не так? Не помню.

Я изымаю запись разговора из папиного кабинета, лечу к себе в берлогу, а мама, упав на стул, измученно посылает мне вслед: «Ужин попозже, хорошо?», и я оборачиваюсь: «Да я уже поел, мамуля, не заморачивайся...»

* * *

Дочь сбежала от родителей.

Банальность, казалось бы! Заурядное, рядовое событие... если бы папаша этой девицы не был крупнейшим на Северо-Западе гангстером.

Вот с такой заботой мадам Рихтер и заявила к Максиму Панову. «Я пришла к вам как мать». Почему ко мне, спросил у нее детектив. Потому что у вас репутация, ответила она. Семья де Лосано до сих пор вас помнит и, кстати, страшно вам благодарна, чем вы совершенно зря не пользуетесь. Вы единственный на весь Хармонт оперативник, который по совместительству еще и опытный сталкер. Я давно уже не сталкер, возразил он, все это в

прошлом. Невозможно перестать быть сталкером, сказала она, это как клеймо. Или, если угодно, как умение кататься на велосипеде – раз научившись, уже не разучишься. И в Зону вы до сих пор ходите, правильно? Пусть и почти легально – по заданиям людей, которых можно назвать поименно...

Дочь Носорога звали Натали. Возраст – 16 лет. Рассудочная девушка, где-то даже холодноватая, так мать охарактеризовала беглянку. (Впрочем, и сама миссис Рихтер не очень-то проявляла чувства, никак не походила она на встревоженную мать.) Зачем девушке было сбегать из дому, причем не туда, где кайф и музыка, а в закрытый от мира и весьма опасный Хармонт? Очень просто – она желает попасть в Зону. («Вовсе это не просто», – обронил папа. «Она чрезвычайно настойчива и привыкла добиваться всего, чего хочет», – был ответ.) Оказывается, у девушки с детства была мечта – посмотреть, что за «колючкой». Не только пацаны сталкерской дурью страдают, но и рафинированные юные леди.

Господин Рихтер, как вы понимаете, не обратился ни в полицию, ни в какие другие официальные структуры. Чтобы вернуть ребенка, он задействовал исключительно своих людей и целиком на них полагается, но миссис Рихтер такой расклад не устраивает. На кону – дочь, а проблема слишком специфичная и срочная, чтобы можно было обойтись без настоящего профи. Вот что привело ее на порог нашего дома. Но есть нюанс...

– Вы должны меня понять правильно, Макс. Если я решила действовать самостоятельно, это не значит, что я пойду наперекор воле супруга.

Что в переводе на английский означает: не жди помощи, мистер профи, если вляпаться. Даже я это понял. А папа смотрел дальше, ухватив самую суть.

– Я бесконечно уважаю как вашего супруга, так и его нежелание выставлять бельё напоказ, – сказал он клиентке. – Поэтому, если кому-то в случае благополучного исхода придется в голову избавиться от маленького скромного сыщика, боюсь, огласка получится скандального масштаба. Я позабочусь об этом, прежде чем хоть что-то предприму. Исключительно из величайшего уважения.

– Нужно ему ваше уважение, как негру волынка, – брезгливо сказала гостья. – Никто вас не тронет, что за паранойя? Вы сначала добейтесь этого вашего благополучного исхода.

– Паранойя или нет, но уважительное отношение еще никому не мешало. Уверен, мы поняли друг друга.

– Могу ли я вам доверять? – спросила тогда она...

Про доверие она вспоминала не раз. Потому что, как оказалось, обстоятельства дела были не так обыденны, как поначалу казалось. Натали исчезла из дома не одна, а в компании. И с кем? С ближайшим помощником Носорога по прозвищу Лопата. Доверенный, многократно проверенный человек, практически консьюлиери, самый доверенный советник – и на тебе! Мало того что совратил дочь босса, еще и утащил с собой, пообещав, вероятно, исполнение давней ее мечты, то есть прогулку по Зоне. Как бы иначе шестнадцатилетняя девчонка проникла в изолированный город, как преодолела кордоны? Только при помощи любовника, по-другому никак.

А может, это любовь, предположил Макс, может, у них все серьезно? Я вас умоляю, делано вздохнула заказчица. Какая «любовь», если истинной целью Лопаты была вовсе не Натали, а некая уникальная вещица, хранившаяся у Носорога! Девочка ее украла у отца – по просьбе негодяя. С краденым артефактом они и сбежали... Почему в Хармонт, при чем тут Зона? Да при том, что украденная вещь – это артефакт, прозванный «Джеком-попрыгунчиком». Он же «бешеный Рубик» – кажется, так вы, Макс, поначалу величали это чудо?

Тут папа надолго замолчал. Стояла ватная тишина, я даже подумал – сбой в записи. Потом он спросил:

– Если целью Лопаты был артефакт, зачем уводить из семьи девушку?

– К сожалению, мерзавец знает, насколько Гансу дорога его дочь. Ганс с нее пылинки сдувал. Пока Натали с этим человеком, жестких мер не будет.

– Какова моя задача – спасти заложницу или найти артефакт?

– Девушка без украшений изрядно теряет в привлекательности, поэтому гонорар за нее будет в десять раз меньше, чем за украшенную «Джеком-попрыгунчиком». Вы согласны, что это украшение, каких в мире больше нет?

– Мое мнение стоит дешево.

– Хорошо, давайте в числах. Вы готовы назвать сумму, в которую оцениваете предстоящую работу?

Некоторое время они обсуждали денежные вопросы, а я лихорадочно шарил в сети. «Джек-попрыгунчик», «бешеный Рубик»... не то, не то, не то... Ссылок было полно, особенно на знаменитую песню Rolling Stones. Но применительно к Зоне... С изумлением я обнаружил, что артефакт с таким названием нигде не упоминается, нигде не проходит. Если верить Сети – нет такого артефакта! Долго еще после окончания записи я просматривал страницы – все мимо. Хотя принято считать, будто в Зонах не осталось ничего, что не нашло бы отражения в строгих теориях, безумных гипотезах или в фольклоре.

Нет, ну папа-то каков! Целая корзина секретов.

Разговор еще покрутился вокруг деталей побега (когда и как все открылось, откуда уверенность, что Натали с Лопатой уже в Хармонте, какие здешние контакты могут у них быть), потом миссис Рихтер показала, как они оба выглядят (фотки почему-то не оставила, унесла с собой), и в заключение передала папе приготовленную заранее банковскую карту (в качестве задатка) плюс кэш на расходы.

Он спросил на прощание, что делать, если они уже ушли в Зону? Тогда вам нужно за ними, буднично ответила заказчица. «Не хочу в вас разочаровываться, мое разочарование плохо кончается для людей...»

Знал бы я, что это дело в любом случае плохо кончится, – помчался бы в ночь спасать папу.

Но я спустился вниз, к маме, и стал расспрашивать ее о новостях из «Детского сада».

Глава 3

– Пьеро, зайди к нам, – останавливает меня охранник Жиль, выскочив из караульной комнаты.

– Что-то не в порядке? Вот пропуск...

Я уже положил свой мобильник в лоток под окошком, уже собираюсь миновать турникет.

– Да что пропуск... Ноутбук у меня не включается, – со смущением объясняет он.

Выгребаю из лотка свои вещи. Он вводит меня за бронированную дверь и показывает на комп, который вдруг закапризничал.

Жиль – это начальник караула. Подчиненный его сидит перед окошком и делает вид, что все контролирует, а на самом деле смотрит маленький телевизор, стоящий сбоку на столе. Включен местный канал. В городе тревожно: вчера были похищены семеро детей – все из семей бывших сталкеров. С какой целью? Выкупа не требовали. Репортер строил душераздирающие догадки, типа, число семь не случайно, не иначе кому-то понадобились жертвы для тайного кровавого ритуала. Ночью сожгли дом пастора методистской церкви, известного своими призывами к терпимости, а в особенности лозунгом «Дети сталкеров – тоже дети». Клан «Новый Ирод» развернул перед госсоветом бессрочный палаточный пикет с требованием убрать из города мутантов, на центральной площади митинговали несколько сотен человек. Тех, кто вчера уничтожил энергоподстанцию, разумеется, так и не нашли. Комендатура выражала несогласие с незаконными действиями экстремистов, но вместе с тем напоминала, что в стране демократия и каждый имеет право на мирный протест.

– Активизировались, сволочи, – комментирует Жиль. – Кто ж их всех на нас натравливает?

Пытаюсь включить его старенькую технику. Не запускается, идет постоянная перезагрузка. Жиль смотрит на это дело с тоской:

– Нести в ремонт...

– Без паники, – говорю.

Переворачиваю, открываю снизу крышку, отвинтив один болтик. Специальная крохотная отвертка у меня всегда с собой. Вытаскиваю планку оперативной памяти. Их две, я убираю одну, сгоревшую. Возвращаю крышку на место, включаю ноутбук... Работает.

– Вау! – Жиль в восторге.

– Подождите радоваться, – объясняю ему ситуацию. – Оперативки стало в два раза меньше, значит, производительность снизилась. «Тяжелые» игры, например, не пойдут. Мой совет, купите новую плату и замените.

– Лучше я позову мастера, – хлопает он меня по плечу.

Не люблю панибратства, однако терплю. Иметь в друзьях начальника караула – большое дело.

Второй охранник вдруг поднимает указательный палец: тихо! По телевизору – новость с пылу с жару. В отеле «Метрополь» в своем люксе найдена мертвой некая миссис Рихтер. (На экране роскошный номер, потом – крупно – кровища на ковре. Труп не показывают.) Дама была зарезана. Полиция скрывает подробности, однако, по неофициальным сведениям, характер ран и их количество заставляют думать, что жертву перед смертью пытали. Убийство предположительно произошло ранним утром. Живший в том же номере телохранитель с тяжелой черепно-мозговой травмой находится в коме. Если верить источнику в полиции, уже есть подозреваемый, личность которого пока держится в секрете.

Дальше идет информация про убитую и про ее супруга. Чрезвычайно достойное семейство, тратящее большие средства на благотворительность. Слушать это нет необходимости, и я убираюсь подобиру-поздорову.

Мобильник мой они забыли изъять. И первое, что я делаю, – звоню папе.

Трубка у него по-прежнему выключена...

Он ведь не вернулся домой – как ушел вечером, так и пропал. Мама утром отправилась на смену, я через пару часов – следом за ней, но его еще не было. А теперь и мобильник в ауте.

Зря я поперся в Институт, мелькает у меня мысль. Заказ, переданный Сэндвичем, благополучно подождал бы, перебились бы они со своим заказом. Чем время терять, лучше бы отправился на поиски папы, вдруг ему нужна помощь?

Мелькнула мысль и растаяла.

* * *

Мама возилась с Пеппи Длинныйчулок, сооружала на ее голове что-то, что могло бы сойти за прическу. Получалось замысловато, но масштабно. Шерсть на плечах и ключицах мутантки была заплетена в короткие тонкие косички – тоже, видать, мамина работа.

– Будешь принцессой, – ворковала она. – Гордая и неприступная.

Девчонка пищала в ответ нечто совершенно неудобопонятное, однако здесь ее отлично понимали:

– Вздор, вздор! А если кто-то будет дразнить и смеяться, значит, просто завидует, так ему и скажи...

Мама была одета в местную униформу: мягкие мокасины, эластичные брюки, не стесняющие движений, пуловер, безрукавка. Такой у них в «Детском саду» дресс-код. Посмотрела на меня и подмигнула:

– Наша маленькая почему-то решила, что она некрасивая. Согласись, Питер, большую глупость трудно придумать.

Пеппи звали когда-то Джейн, и родители от нее отказались, едва обнаружили, что между пальцами на ногах их чада растут волосы. Это случилось, когда младенцу и года не было. Сейчас Пеппи было пять, и она уже превратилась в законченного зверька рыжей масти. Ребенок сталкера, что вы хотите. Правда, такие «образцы» обычно трансформируются только годам к десяти. В этом смысле она была необычна.

Еще она умела пролезать в любые дырки, в такие узкие, что это казалось волшебством.

На самом деле – никакого волшебства. У крыс, например, голова может уплощаться чуть не в два раза, сильно при этом удлинняясь. Вот и у Пеппи Длинныйчулок, чья костная система почти полностью состояла из суставов, не было сложностей с изменением своей формы. Даже череп у нее был суставным, в случае нужды вытягивался узеньким веретеном. Она, кстати, и была похожа на крысу: гладкий хвост, развитые ноги, вытянутое лицо, бритвенной остроты зубки...

Короче, Пеппи была пока единственным мутантом-зверем со способностями аномала, то есть представляла собой определенную научную ценность. Наверное, потому она вошла в число «образцов», которые мне заказали и чей генетический материал я подрядился передать Сэндвичу.

Обычно ведь такие мутанты обладают, условно говоря, чисто звериными способностями – феноменальным нюхом, слухом, зрением, некоторых отличает устрашающая физическая сила или прыгучесть. Не больше того. По человеческим меркам все это тоже сверхспособности, но, по сути, в них нет ничего загадочного.

Мутанты-аномалы – другое дело. Вот уж на ком Зона ставит настоящие эксперименты, вот кого боится простой недалекий Хармонт. Именно этих, вторых, называют уродами и нелюдью...

Феномен «детей сталкеров» проявился сразу с момента Посещения. Но если поначалу у смертников, ходивших в Зону, рождались такие вот сказочные Пеппи, безвредные существа, карикатурно похожие кто на крысу, кто на обезьянку, кто еще на какого-нибудь зверька, то с конца 80-х прошлого века ситуация изменилась. Стали появляться «дети сталкеров», выглядевшие нормальными человеческими детенышами. С одной существенной добавкой: они тоже изменялись и перерождались, но не наружно, а внутри. Вызревали у них такие свойства и умения, что волосы дыбом вставали. Пошло это все с черновыльскай Зоны и долгие годы ею ограничивалось. Там полтора десятилетия назад грянули первые погромы, направленные против мутантов и их семей. «Детей сталкеров» уничтожали, как бешеных собак, а заодно – их родителей. Папа мой застал тот ужас, насмотрелся.

В начале нового века первые аномалы появились и у нас.

Проблема в том, что мутация чаще всего проявляется не сразу. Насколько проще было бы, если б из утробы матери выходил готовенький маленький монстр! Да папа с мамой, может, собственноручно душили бы такое потомство – не выходя из родильной палаты! Так нет же – рождается младенец как младенец, трогательный и славный, папа с мамой изо всех сил надеются, что их минует скорбная доля, потому как бывают случаи, когда дитя от сталкера вырастает человеком (примерно один процент, шанс есть), но не позже чем через три-четыре года с ребенком мало-помалу начинаются жутковатые изменения, к шести-семи годам он явный продукт дьявольской селекции, а к десяти – уже не-человек. Эта картина одинакова как для мутантов-зверей, так и для аномалов. За три года родители успевают привыкаться к своему ребенку и продолжают потом любить его, несмотря ни на что. А реально существующий шанс вытянуть-таки счастливый билет (один процент!) заставляет сталкеров рисковать. Как вольных, так и военных, из Службы инфильтрации. Сталкеры по определению рисковое племя.

Вот так и подрастает у нас несколько поколений «людей Х»...

Когда мама закончила сооружать на голове своей мохнатой клиентки нечто из области архитектуры, прибежала Каролин.

– Марина, тебя группа ждет, – сообщила она.

– Еще пятнадцать минут!

– А они уже собрались. Все как один.

Каролин была одета точно так же, как моя мама, за исключением двух мелочей. Безрукавка стандартная, казенная – как у большинства женщин тут. А у мамы – вязаная, домашняя. Еще мама обязательно добавляла на шею шарфик, в разные дни недели разный (объяснила мне однажды, что дети любят взрослых, которые чем-то отличаются от других).

– Вздохнуть спокойно не дадут.

– Не терпится им, – развела Каролин руки.

Да, «маму Марину» здесь любили и ждали. Я ощутил привычную гордость. Не знаю, что испытывал Крюк, заглядывая сюда к собственной матери, парень он простой, да и у Каролин, положи руку на сердце, не такая харизма, но я знал точно: моя мама – педагог от Бога.

– Шерхану и Дракуле пора в туалет, – сказала она Каролин. – Хорошо бы проконтролировать.

Та bravo вскинула сжатый кулак к виску:

– Есть, моя дорогая!

Они разлетелись по делам. Я остался с Пеппи.

– А давай я тебя расчесу, – предложил ей.

Пусть ножницы оказались под запретом, но расчесать мутанта – это ведь обычное и совсем не подозрительное занятие, не так ли? Что-то коротко пискнув, большая пушистая человеко-крыска вспрыгнула на столик и встала на четвереньки, подставив мне спину.

Через четверть часа я вернул расческу, полную застрявших шерстинок, в нагрудный карман рубашки. Там заготовлен был раскрытый пластиковый пакетик, в который мой незамысловатый инструмент благополучно и попал.

Глаза здесь повсюду, Эйнштейн не преувеличивал. Но я был уверен: кто бы в этот момент за мной ни наблюдал, ничего плохого не заподозрил.

* * *

Сердце «Детского сада» – огромный, ярко оформленный зал, раскрашенный под радугу. Зал разделен на сектора и отсеки прозрачными перегородками, причем каждый такой закуток – своего цвета. А каждый цвет отвечает за что-то свое (в желтых отсеках, например, исследуют творческие возможности мутантов). Есть сектор активности, сектор позитива, сектора релаксации и фильтрации – и что там еще.

На полу – амортизирующий пластик, поглощающий звуки. Ни окон, ни ламп, дневной свет имитирован, освещение идет от стен. Много игрушек: наборы игр, конструкторы, кубики Рубика, шнуровочные тренажеры. Воздушные шарики – на разной высоте. Мягких игрушек нет совсем, они с мутантами не работают. Нет также и растений.

Искусственный мир – для искусственных существ.

Маму я нашел в арт-лаборатории.

...Все-таки она у меня молодец. Чтобы попасть в Институт на любую должность выше уборщика, нужно пройти серьезный отбор. Правда, у мамы уже была подготовка – образование университетское, и на родине она успела поработать педагогом. Но без лицензии трудно. Так что начинала она в «Детском саду» няней при секторе фильтрации – смотреть за тем, чтобы детки ничего себе не повредили. Занять место няни, кстати, ей помог Эйнштейн, уж не знаю, за какие такие заслуги... но эту тему я привычно закрою.

Потом ее стали допускать в жилой сектор к малышне, где ответственность куда серьезней...

Теперь-то мелких, считай, и нет, подросли мутантики. В последние годы если военные и притаскивают в «Детский сад» интересный «образец», то уже на той стадии, когда мутация у него проявилась в явном виде. Самый юный «образец» в местном зоопарке – пятилетняя Пеппи, сомневающаяся в своей красоте... Я всех их помню малютками. Как они дружно сидели на горшках, не разделенные еще на зверей и аномалов, а мама рассказывала им что-нибудь интересное... Время горшков давно кончилось. Увы, те из малышей, кому суждено было озвереть, постепенно отказались от человеческого туалета, что от горшка, что от унитаза. Для них есть специальное помещение с песочком и газонами, громко именуемое уборной, в которых мутанты-звери, называя вещи своими именами, гадят. Причем к пользованию этой «уборной» их тоже надо приучать, чем мама с Каролин вынуждены заниматься.

Что было дальше? Дети к моей маме тянулись, в ее смены эффективность занятий с аномалами стабильно возрастала. А для военных самое ценное что? Чтобы паранормальные способности «образцов» побыстрее выходили на практический уровень, когда становится возможным их боевое применение. Тут ведь не уроков для фрик-шоу готовили, тут ковали новое оружие. Потому-то местные неписанные законы отличались от законов остальной страны, и главный закон такой: «Если умеешь – делай».

Мама умела. В отличие от ученых и врачей, для которых дети – расходный материал, для мамы все они – такие же люди. Мама им не врет. Всем от детей что-то надо, а ей – сделать им хорошо. Например, в рекреации они носятся как чумные, сталкиваются, падают. Можно

формально помазать царапину йодом и заклеить пластырем, а можно подуть на ранку и сказать: «У кошки боли, у собаки боли, у такого-то заживи...» Англосаксы от этого русского заговора впадают в радостное возбуждение, и уж тем более он нравится будущим звероидам. Или, скажем, сломалась любимая игрушка – можно погоревать над ней вместе с ребенком, а то даже принести скотч (паяльник, клей) и попытаться исправить. Личное отношение к каждому конкретному ребенку – это то новое, что принесла «мама Марина» в детский корпус... А сколько песенок она знает! Не стесняется играть на детских инструментах: ксилофоне, барабане, бубне. Музыка, звуковые эффекты много значат для таких странных детей. Дудки, губные гармошки, даже волынка появились в рекреации именно благодаря «маме Марине».

В итоге ее компетентность и профессионализм были достойно оценены. Так и стала она работать с «детьми сталкеров» в качестве педагога-психолога...

Так вот, арт-лаборатория. Желтый сектор, один из боксов.

– Всем привет, – помахал я рукой, входя за перегородку. – Как успехи?

Ученики дружно подняли головы. Это мама их называла учениками, остальные пользовались стандартными обозначениями вроде «образец 18 Бабочка» или «образец 25 Скарабей». Их было пятеро. Трое старших (восьмилетки) вольно расположились на полу перед рамами с натянутой тканью. Четвертый сидел за столом и увлеченно разрисовывал карандашом листы бумаги – этот был новенький, появившийся в «Детском саду» только вчера. Пятая была еще маленькой, пяти лет от роду, она что-то вырезала из бумаги, а мама, подсев к ней рядом, показывала, как это правильно делается.

– У меня новые очки, – похвасталась Бабочка. – Смотри, как крылышки.

Она была «девочкой в очках». У мутантов безупречное зрение, и вообще они во всех отношениях абсолютно здоровы, но этой нравились необычные формы оправ.

– А Навозник сегодня испортил кашу, – меланхолично изрек Барсук. – У всех была обычная, а он себе сделал со вкусом какао.

– Не испортил, а улучшил, – возразил мальчик, официально именуемый Скарабеем. Навозником его дразнили. Он смотрел в пол, сосредоточенно цепляя пальцем паркетину. – Не люблю порридж. Какао люблю. Структурно ничего не менял, только функционально.

Скарабей-Навозник был ребенок-сорбент, собирающий на себя всякую дрянь. Вечно грязный, пыльный, зато к чему ни прикасался, после него оставалась идеально чистая полоса (если очень хотел, то и пространство). Даже без единого микроба, проверяли. Но преобразовывать химический состав веществ по заказу у него пока получалось только по капризу. Вот как в случае с порриджем. А если б получалось по заказу – давно бы увезли военные, и что с ним было бы дальше, никто не знает.

Бабочка взяла флакончик с раствором и выдула в мою сторону большой мыльный пузырь. Размером с грейпфрут. Публика оживилась, погнала радужный шар ко мне, дуя снизу и не давая пузырю опуститься, и вот он передо мной, отражает мою искривленную рожу. Я взял подарок в руки. Невесомая пленка не лопалась, была податливой, но крепкой. На пол с него капало, руки у меня стали мокрыми... Хитрость в том, что, кроме мыла, в пузыре содержались какие-то поверхностно-активные вещества, позволяющие Бабочке управлять поверхностным натяжением.

– Ну, хватит, – строго произнесла мама. – Не отвлекайтесь.

Я закатил мыльный пузырь на полку стеллажа и обтер руки об штаны. Он вскоре упадет, но не держать же его при себе?

– Ты по делу или просто так? – спросила меня мама.

– Хочу посмотреть хот-степ.

– Хот-степ назначен на одиннадцать.

– Я подожду? Посижу тут с вами?

– Только тихонько...

Прошел к дальнему столу. Интерес ко мне больше не проявляли, я был своим. Я – привычный атрибут в этой школе магов.

А это была именно школа, не случайно мама называла мутантов учениками. Изучали их и препарировали в других секторах. Здесь – аккуратно пробуждали дремлющие умения и делали все, чтобы «образцы» научились контролировать эти умения. Работа тонкая и временами опасная. Есть, например, «инфразвуковики», с ними бы я поостерегся сидеть в одном помещении. С просто «звуковиками» или «электромагнетиками» не такой напряг, но тоже, если честно, экстрим.

Сейчас мама работала с «химиками». То есть с аномалами, способными в той или иной форме манипулировать окружающим миром на молекулярном уровне. Таких в настоящий момент было трое.

Во-первых, Бабочка. Совершенно нормальная девчонка. Дети-мутанты почти все с какими-то комплексами и неврозами, то-то мама с ними возится, а эта без комплексов. С длинными жиденькими волосами, которые каждый день по-новому заплетает, придумывает какие-то колоски, косички. Встает на час раньше, чтобы успеть заплести. А еще любит фантазировать, вечно «вспоминает» о том, чего не было. Как якобы в детстве она с сачком по полю бегала... Ладно, это все не по делу. Вот мыльные пленки она выдувает броневого крепости, из пушки не пробьешь, – это да.

Скарабей. Неопрятный, помятый, замурзанный. Одного взгляда на него достаточно, чтобы пропал аппетит. Все время чего-то ковыряет, расколупывает, отцарапывает – трещинки, корешки от книг, этикетки на спичках, – везде, куда ноготь влезет. Портит одежду себе и другим, грызет карандаши и ластики, расплетает шнурки, снимая с них железные наконечники. Особую ярость (даже у моей мамы) вызывала его манера закручивать уголки у тетрадей. Сплошное недоразумение... И вместе тем – натуральная химическая фабрика. По слухам, высоколбые пытались его травить всякими ядами, но без толку...

И в-третьих, Барсук – мальчик-дезактиватор с феноменальной ксенобиотической устойчивостью, обладатель нечеловеческой печени. Такой печени, что позволяла ему запросто пожирать радиоактивные отходы, оставляя после себя слизь, которая почти не фонила. Шутили, что после ядерной войны в Хармонте останутся тараканы и Барсук. На голове у него выделяется ярко-белая прядка – как полоска у настоящего барсука...

Эти трое сосредоточенно колдовали над импровизированными мольбертами. Ну как – мольберты? На деревянных рамах на гвоздиках натянута белая ткань. И на каждой расплывается большое коричнево-бурое пятно почти правильной овальной формы. Такой своеобразный батик. Пятна на ткани возникли оттого, что мама вылила в центр каждой рамы ложку анилиновой краски. А краска эта была составная, мама слила вместе штук пять каких-то других красок. Какие цвета входят в смесь – неведомо. И вот детки занимались тем, что пытались разложить смесь на составные части, найти исходные цвета.

Я не раз видел, как они корпят над этой задачкой. Дышат на пятно, слюнят, трут его пальцами, гипнотизируют взглядом. Ни у кого из группы до сих пор не получалось. Смысл игры был в том, чтобы научиться «видеть» металлы и управляться с их солями. Все пигменты связаны с тем или иным металлом, так что краски здесь возникли не случайно.

На моем столе был полный набор ученика. Я взял лист бумаги, ляпнул красок из нескольких пластиковых баночек. Потом согнул пополам. Получил яркую симметричную картинку, похожую на бабочку. Или на пятно Роршаха – которое из психиатрического теста. Свернул лист и перебрал его девочке Бабочке. Она хихикнула и прошептала «Спасибо».

– Панов, веги себя прилично! – рявкнула мама.

– А я правильно делаю? – подал голос четвертый из аномалов.

Звали его Светлячок, и был он на сегодня главной достопримечательностью. Потому что новенький, а еще потому, что его приводили родители. Вечером его должны были забрать домой, что вызывало бешеную зависть у других детей, которые были, по сути, приютскими.

– Извини, Бо, – сказала мама своей маленькой подопечной, привстала и посмотрела на стол Светлячка. – Сколько уже нарисовал?

– Десять.

– Не останавливайся, у тебя еще минут двадцать есть.

– Я рисую в аксонометрии, – тревожно сообщил Светлячок. – Это можно?

– Конечно. Как умеешь, так и будет правильно.

Он пока не участвовал в занятиях, проходил тесты. Сейчас «мама Марина» дала ему двадцать пять листов бумаги, на каждом из которых был нарисован какой-то графический элемент из самых простых. Где обычный прямой отрезок, где волнистая линия, где две параллельные, ну и всякие другие – квадрат, круг, «галочка», «рогатина». Надо было дорисовать к ним что хочешь и так, чтоб на каждом листе получилась картинка. Похоже, Светлячок воспринял тест как экзамен и очень волновался... Он вообще производил впечатление какого-то потерянного. Сублинный, маленький, ручки-ножки тоненькие. Из тех детей, у которых мало что получается, они ничего не умеют, но изо всех сил стараются. Когда он вчера впервые здесь появился, ясно стало – очередной сложный ребенок. Вел себя пассивно, ничего сам не говорил, на вопросы отвечал односложно. Сел в уголке, а когда остальные дети до него докопались – начал тихо плакать и... мерцать.

Натурально – мерцал. Ну, то есть светился и гаснул. И лицо, и шея, и под майкой. Похоже на лампу дневного света с неисправным стартером. Пацаненок обладал свойством хемилюминесценции, так что не зря ему такую маркировку дали – Светлячок. Люминесценция сама по себе – вещь эффектная, но для вояк бесполезная, вот спецам из «Детского сада» и предстояло выяснить, на что еще этот «образец» способен.

– ...Когда режешь бумагу по контуру, особенно по кривому, карандашная линия всегда должна быть с внутренней стороны ножниц, – рассказывала мама малышке Бо. – С внутренней стороны, то есть со стороны ладони...

Она терпеливо показывала, вставив в ножницы свои пальцы вместе с детскими; у малышей ножниц большие отверстия. Пальцы у маленькой мутантки сгибались как угодно, только не как надо, ей с огромными усилиями удавалось приспособиться. Девочка злилась. Полное ее имя – Боа, и она гуттаперчевый ребенок – с гибкими костями, которые могут гнуться и плющиться. Она такая была в единственном экземпляре, не подходила по классификации ни к одной из существующих групп аномалов и к «химикам» попала просто потому, что класс спокойный...

Тут мой мобильник и зазвонил, нарушив идиллию.

Я выскочил в соседний бокс – такое же помещение с прозрачными стенами.

– Babooshka? – изменив голос, сказал я в трубку. Нарочито по-англицки. Это заимствованное из русского языка слово – с ударением на «У» – очень уж смешно звучало.

– Петя, оставь, – ответила бабушка ровно, без эмоций, и я понял – что-то случилось. «Петя». Не помню, когда она меня так называла. Всегда – Петр Максимыч, только так, даже во младенчестве.

– До Марины не могу дозвониться, – объяснила она. – Поэтому – тебе.

– Мама на работе, без мобильного. Через пятнадцать минут вообще пойдет в Зону...

– Ты в Институте? Очень кстати.

До сих пор тревога сидела во мне смирно и кротко, изредка приподнимая голову и поглядывая по сторонам, но теперь этот зверь потянулся, встал и выполз из конуры.

– Ей что-то передать, бабуля?

– Как только сможет, пусть свяжется с мистером Бодро. Он, разумеется, уже в курсе, пытается что-нибудь выяснить и сделать.

Мистер Бодро – это папин криминальный адвокат. Фактически партнер по бизнесу.

– Зачем с ним связываться?

– Ты, Петя, только не пугайся, ничего страшного. У меня в доме был обыск. Соседи сказали, в вашем доме тоже, но я пока туда не ходила.

– Я не пугаюсь. Кто обыскивал, копы или жабы?

– Полиция.

– Полиция – это хорошо... Уже ушли?

– А как бы иначе я тебе позвонила?

– В связи с чем обыск, объяснили?

– Папу арестовали. По подозрению в убийстве. Каком-таким убийстве, не соизволили просветить. Это ошибка, разумеется, и мистер Бодро скоро все выяснит. Правда, к папе его пока не допускают. Может, маме легче будет прорваться...

Бабуля не понимала, зато понимал я. Визит госпожи Рихтер к нам домой, труп этой дамы в отеле «Метрополь» и папин арест выстраивались в прямую логическую цепь. Только что здесь было ошибкой, а что провокацией – большой вопрос. И еще насчет мамы... Куда и зачем ей прорываться? Саму бы не арестовали за соучастие. Бабуля столько лет прожила в Хармонте и до сих пор не раскусила эту подлую дыру, в которой нет ни закона, ни правды.

– Папа тебе звонил? – спросил я на авось. – А то у него с раннего утра телефон выключен.

– Он ко мне приходил ночью. Не хотел меня будить, но я проснулась. Что-то искал, забрал с собой...

– Давай не по телефону.

– Коробочку какую-то, – закончила она по инерции. – Почему не по телефону? Ах, вот ты о чем... А нам нечего скрывать, пусть подслушивают! – вдруг разгневалась она. – Мы законопослушные люди!

Безумная мысль на мгновение захватила мое сознание: вот бы «увидеть» сигнальную линию, связавшую нас с бабушкой! Вот бы точно узнать – не присосался ли кто к нашему разговору... Нет, не в моих силах. Это ж радиотелефон. Да и с проводным телефоном – как проследить? Если б АТС была в этом же здании...

– А еще ко мне в гости забежал твой друг. Я отправила его к тебе, он только что от меня ушел.

– Какой друг?

– Ну, этот... любитель бекона. Ты меня понял?

Она говорила о Крюке. Крюк, сын своей патриархальной мамы, видел главное назначение мужчины в том, чтобы тот «приносил бекон на стол», о чем часто и жарко говорил, едва разговор заходил за жизнь. «Приносить бекон на стол» всего лишь означает хорошо содержать и обеспечивать семью... Молодец, бабуля! Скрывать нам, конечно, от посторонних ушей нечего, но имена друзей им знать не обязательно.

– Я послала с ним записку от папы, – добавила она.

– Записку?

– Перед тем, как ночью уйти, папа тебе что-то написал. Подчеркнул, что именно тебе. Сказал, на тот случай, если что-то случится. Вот и случилось.

– Ты прочитала?

– Разумеется, нет, – величественно оскорбилась бабушка. – Ешь свой бекон в одиночку.

– А мой друг? Он ведь любопытный.

– Записка лежит в заклеенном конверте. Я расписалась на клапане, проверь перед тем, как вскрыешь.

– Я тебе перезвоню, – пообещал я, прежде чем отключиться.

– Да уж, будь любезен.

Я посмотрел сквозь стекло на маму. Занятия заканчивались, она обходила столы и смотрела на результаты. Информировать ее о звонке или подождать? Разволнуется, начнет метаться, при том что сделать ничего не сможет. А через четверть часа ей в Зону. Хот-степ не отменишь, я ж понимаю. Психовать перед Зоной нельзя, даже перед таким ее карикатурным кусочком, каким является «игровая площадка».

Я увидел, что по ту сторону стекла появился Эйнштейн. Он приветственно помахал мне рукой и о чем-то заговорил с мамой. Этому-то что надо?

После коротких размышлений я позвонил Сэндвичу.

– Меняем время и место, – сказал ему. – Подходи к Институту прямо сейчас, я к тебе выйду. Встретимся на автобусной остановке.

Он возбудился, принялся по своему обыкновению задавать глупые вопросы, но я это дело задавил на корню.

– Не мельтеши, джанк, проблема не в тебе, а во мне. У меня форс-мажор. И разговаривать я больше не могу. Но если мы не встретимся сейчас, то ничего не смогу гарантировать.

Отбой.

Придет, куда ему деваться? Наш маленький бизнес важен Сэндвичу (и тем, кто за ним стоит) куда больше, чем мне. Для меня ведь это забава, а для них, полагаю, работа...

Назначить встречу немедленно меня заставило то соображение, что Сэндвич был способен помочь мне в деле с папиным арестом. А это, как мы понимаем, не терпит отлагательства.

Вошел Эйнштейн. Посмотрел на меня и почуял неладное.

– Что стряслось? Видок у тебя неважный.

– Все о'кей, босс, – соврал я ему и, как мог, улыбнулся.

– А мобильник почему не отобрали при входе? Тайком пронес?

– Ничего не тайком, случайно получилось. Вы из-за него пришли? Я только с бабушкой и поговорил...

– Не напрягайся, я пришел из-за Светлячка, хотел посмотреть результаты теста. Уникальный персонаж к нам попал... Притормози, не уходи. Когда ты пойдешь в Зону, дорогой Питер, мобильник придется все-таки отдать.

Я выпал в осадок:

– В ка... какую... когда – в Зону?

– Пойдешь со мной на «игровую площадку», когда дети закончат. Мечтаю с тобой сразиться в хот-степ, только ты и я.

– Шутите? – спросил я, обмирая.

– Никак нет. Давно хотел посмотреть, как ты справишься. Под мою ответственность.

– Да я в степ плохо играю, проверял много раз, – попытался я отбрыкаться.

Это азартное развлечение с некоторых пор сразило буквально весь Хармонт и постепенно перебиралось в другие города, включая столицу, быстро превращаясь в настоящий спорт со своими клубами и болельщиками, но мои личные успехи были более чем скромны. Абсолютный ноль – даже для уличного уровня.

– Где проверял, в школьном дворе?

– И в нем тоже.

– Но не в Зоне, – отрезал Эйнштейн. – В Зоне ты себя не проверял. Пойдем-ка в класс, там интересно...

Умеет босс по мозгам врезать! Все у меня из башки вымело – и Крюка с запиской, и Сэндвича с его связями, и даже папин арест. Вернулся я в бокс на ватных ногах.

А там и впрямь интересно. Бабочке удалось вытащить из смеси все пять красок! Вместо неаппетитного коричнево-бурого пятна ее кусок ткани теперь украшало нечто яркое, пятнистое, похожее на палитру художника. Она стала первой из группы, выполнившей задание, она была гордой и счастливой, она обнимала мою маму, а та с любовью расправляла ей косички... Я ощутил укол ревности.

Как выяснилось, смесь состояла из желтой, лиловой, синей, зеленой и алой красок.

Но если от Бабочки можно было ожидать сюрприза, то Светлячок удивил по-настоящему. Наверное, не случайно Эйнштейн заявился, чтобы оценить его успехи... Те двадцать пять листов бумаги со стандартными элементами – линиями, геометрическими фигурами, графическими значками, – которые исчеркал наш новичок, это ведь был обычный, «человеческий» тест, вовсе не какой-то специальный для аномалов. Я знаю, мама объясняла. Дети что-нибудь на листах пририсовывают, а в итоге показывают уровень своего психического соответствия возрасту, готовность к обучению, степень образного мышления и что-то там еще. Так вот, на выходе обычно получаются примитивные картинки, ничем друг с другом не связанные. Крайне редко ребенок рисует какую-то единую историю, объединяя рисунки сюжетно, и это – явное отклонение от стандарта, близкое к «индиго».

Но здесь...

– Я что-то не разберусь, – озабоченно сказала мама, раскладывая листы по порядку. – Малыш, это у тебя что? Дэниел, дорогой, ты не понял задание?

Она назвала мутанта домашним именем: к «Светлячку» тот не привык, да еще и в стрессе пребывал. Сгорбился крючком, съежился, чтоб места поменьше занимать. По всему, сбылись худшие его опасения – он все сделал неправильно. Поползли по щекам беззвучные слезы...

На листах и вправду была нарисована явная ахиня. Не пойми-разбери что.

А вот Эйнштейн не был озабочен, наоборот! Главный инженер замер, как волк, учуявший добычу, потом кинулся вперед:

– Дай мне, Марина!

Глаза его горели. Он отодвинул столы и разложил рисунки на полу, собрав из них квадрат пять на пять. И вдруг стало видно, что это не двадцать пять разрозненных картинок, а одна большая, цельная, состоящая из фрагментов. Пазл сложился.

Был нарисован кусочек города, вид сверху. Улица с бульваром, речка. Бросались в глаза тени от людей и от домишек – они грамотно расходились веером от центра рисунка, потому что именно там, на центральном листе, мальчишка изобразил источник света. Это был большой костер, от него тени и бежали в разные стороны. А на костре сжигали человека... Ребенка. Сжигали ребенка.

– Мрачное пророчество, – изрек главный инженер.

– Не говори ерунду, Эли, – возразила мама. – При чем здесь пророчество?

Эйнштейн присел на корточки возле Светлячка:

– Это кто у тебя? В костре?

Тот не ответил, только сжался сильнее.

– Не трогай пока его, – попросила мама.

Эйнштейн встал.

– Если не пророчество, то что это, по-твоему?

– Тревожная фантазия, обусловленная ситуацией.

– На том и остановимся, – согласился он. Огляделся... и вдруг спохватился: – А с тобой-то что не так, детка?!

Бабочка больше не была радостной и счастливой, ее совершенно не интересовал ни пазл Светлячка, ни суэта вокруг – нет, нет и нет. Тяжелым взглядом она изучала листочек

с той дурацкой симметричной кляксой, которую я оттиснул баловства ради, то абстрактное «пятно Роршаха», которое я перекинул давеча со своего стола на ее стол.

– Что ты видишь? – спросил Эйнштейн ласково.

Она насупилась.

– Маму Марину обижают. Вот тут. – Она ткнула пальчиком куда-то в кляксу.

– Кто?

– Злой доктор. И еще... – Она сощурилась, всматриваясь. – Паук. С красным крестом на спине. Пэн дерется с чудовищем, убивает паука...

– Ну, вот и славно, – бодро воскликнула мама, пытаясь вернуть девочку в реальность. – Все хорошо закончилось.

– Да нет же! – крикнула она. – Тебя унес электрический конь!

Все замолчали. Как реагировать на бред, изрекаемый дитем? Эйнштейн взял в руки мое «пятно Роршаха» и задумчиво крутил его так-сяк, высматривая, очевидно, «злого доктора».

– В костре – я, – шепотом признался Светлячок.

Глава 4

Предзонник, он же центральный КПП при Институте, расположен несколько в стороне, там царят настоящие строгости, а здешний вход в Зону – этакий домашний, почти семейный. Если с Предзонника, бывает, по несколько раз в сутки кто-то шастает за колючку и обратно, то этот вход открывается редко и по графику. Потому-то охраны мало, и все они свои. Охрана здесь вся размягченная, вальяжная – отдых, а не служба. И никаких вам сторожевых роботов, никаких пулеметов и датчиков.

Стена, правда, та же самая – тянется, сволочь, по всему городу, высокая, жуткая. За городской чертой Стена постепенно теряет в мощи и жути, а ближе к лесам и вовсе превращается в заминированную полосу, упрятанную в колючую проволоку, как правоверная мусульманка в паранджу. В тех местах Периметр охраняют роботы и военные патрули.

Так вот – Стена. В ней – ворота. Створки массивные, взвод солдат не сдвинет, и отъезжают они вбок при помощи сервоприводов. Двигатель – здесь же, в бронированном кожухе. А по ту сторону ворот устроена «игровая площадка» – небольшой кусок Зоны, укрытый по бокам и сверху мелкаячеистой сеткой. Прямоугольник сорок на тридцать ярдов. Сетка из пластика и вдобавок ионизирована; окруженная электростатическим полем, она хорошо защищает от «жгучего пуха». Создается странная иллюзия, будто этот лоскут старого Хармонта отделен от Зоны, будто Институт сумел оттяпать у пришельцев участок земли и сделать его безопасным.

Когда мутантов выводят на «игровую площадку», весь свободный персонал высыпает посмотреть. Развлечение! Люди заполняют внутренний двор, рассаживаются, покуривая, перебрасываясь шутками и делая ставки. Даже подобие трибуны устроили из контейнеров и ящиков, чтобы можно было смотреть поверх ворот и видеть в подробностях все происходящее.

Букмекером, как обычно, был майор Глиттер (это не прозвище!), начальник Службы инфильтрации. Его подчиненные работали в Зоне, регулярно ходили под смертью – кто за твердый офицерский оклад, кто за премиальные, – а он дергал их за нити, как кукловод, и принимал трофеи, никогда не покидая своего безопасного местечка. Если его штатные и нештатные головорезы являлись, по сути, сталкерами, то он при них был натуральным скупщиком хабара. Кто как не он мог взять на себя почетное право собирать ставки и распределять выигрыши, оставляя себе хороший процент?

Мы с Эйнштейном во двор не пошли, мы с ним – випы. Ложа для VIP-персон – это сортир на втором этаже. Хочешь – смотри из открытых окон. Или, вариант, в сортире есть балкон для курящих. Вот там мы и стояли с сигаретами в руках (в моей была сигарилла с любимым ароматом ржаного хлеба). Нагромождение контейнеров и ящиков, выполнявшее функцию трибуны, было прямо под нашими ногами. Я искал Крюка и не находил. Не пришел еще, значит, Крюк...

– На кого бы поставил? – поинтересовался Эйнштейн.

– На Дракулу, – ответил я ему, думая о своем.

– Вчера я бы тоже поставил на Дракулу. Но сегодня у нас появился Светлячок... не знаю, не знаю... забьемся?

– На что?

– Если ты выиграешь, я признаюсь, за каким артефактом посылал тебя в Сити. Я имею в виду – в тренажере. Если проиграешь, скажешь своему папе, что более умного и благородного человека, чем Эли Эбенштейн, ты в своей жизни не встречал. По рукам?

Папа терпеть не мог Эйнштейна, его коржило при одном только упоминании об этом «умном и благородном». Я представил себе реакцию на такое мое заявление и не смог сдерживать ухмылку. А потом я вспомнил, что папа в руках полиции...

– Заметано, – сказал я боссу и пожал протянутую руку.

– Разбейте, – попросил тот стоявшего здесь же инженера из «тренажерной».

– В каком смысле? – Бедолага оторопел.

– Разорвите наше рукопожатие. Символически.

– Зачем?

– Так принято у русских. Мистер Панов русский, если верить его уважаемым родителям.

Инженер, выказывая чувство неловкости, выполнил, что просили.

– А говорили – умный, – проворчал я.

Состязания между тем начинались. Мутанты, построенные колонной, в сопровождении воспитателей и охранников проследовали на «игровую площадку», и ворота за ними торжественно съехались. Там, среди всех, была и моя мама – мелькала ее домашняя безрукавка не по форме, вязаная «косами», а также сиреневый шарфик – как символ творческой свободы. Четыре охранника, вооруженные М-16, привычно рассредоточились по площадке так, чтобы в случае чего не попасть под огонь своих. Вели они себя, понятно, раскованно и весело, но в кулуарах шептались, будто у них есть жесткий приказ стрелять на поражение в случае попытки кого-нибудь из мутантов сбежать в Зону. Может, вранье. Если посмотреть на сетку, закрывающую площадку, да если учесть возраст «образцов» – само допущение возможности побега кажется эталоном солдафонского кретинизма. Но, с другой стороны, кто хоть раз видел чудеса, на которые способны эти дети, тот обязательно повернется мозгами...

Правила состязаний были просты. Правила, собственно, определялись свойствами того участка Зоны, где состязания проходили. На этом огороженном и приспособленном для нужд Института манеже располагалась безопасная, давно изученная, но весьма эффектная аномалия. Дело в том, что площадка была выложена квадратными каменными плитками (еще до Посещения, конечно), ступать на которые не представляло опасности. Зато, если ненароком попасть на стык между плитками, из-под ноги вырывался сноп искр, похожих на электросварку. Это тоже безопасно, только стопа на короткое время немела, никакой ботинок не спасал. Так что передвигаться по «игровой площадке» следовало внимательно и осторожно, стараясь не наступать на стыки.

А если бегать по ней? Из конца в конец, да так, чтобы ни единой искорки не проскочило из-под ноги? А если в пару тебе дадут соперника, который стремится преодолеть дистанцию быстрее, чем ты?

Вот тебе и все правила – пробеги туда и обратно, ни разу не наступив на зазор между плитками, сделай это быстрее товарища, и ты победил.

Соревнования проводятся по кубковой системе. Детей разбивают на пары, проигравший выбывает, а в итоге – финальный забег. Наблюдать страшно увлекательно. Да и участвовать, наверное, тоже, судя по азарту, с каким мутанты отдаются этому делу... Называется все это – hot-step. Игра, рожденная за колючкой и завоевавшая подростковый Хармонт, пустившая корни во взрослый мир. Вон в соседних провинциях уже федерации есть, а в Штатах хотят чемпионат запустить. Правда, есть огромная разница, где соревноваться – на мертвом городском асфальте или на живой и смертельно опасной земле Зоны.

Сам я на «игровой площадке» ни разу не был. Кто разрешил бы, с какой стати? Так что сегодняшнее предложение Эйнштейна, от которого невозможно отказаться, давало надежду, что, может, и сбудется моя маленькая мечта. Потрогаю Ее ногами. Полчаса подождать...

Я ведь ни разу не был в Зоне, хоть и прожил с нею бок о бок столько лет.

А вот на вопрос, зачем институтским умникам понадобились эти игры на свежем воздухе, ответа у меня нет. Не ради же спортивного интереса? Смешно такое предполагать. Даже я отлично понимаю, что «игровая площадка» – это типа лаборатории под открытым небом, в которой проводятся полевые исследования. Но в чем их смысл и цель? Спрашивал у мамы – не знает. И Каролин и другие педагоги с воспитателями не знают. А ведь этим исследованиям придается в «Детском доме» большое значение, судя по регулярности выхода в поле.

У Эйнштейна спросить, пока он странным образом подобрел?

Что-то там происходило, за Периметром, что-то явно шло не по плану. Мутанты жались на ближнем краю площадки, не решаясь заполнять манеж. Зона начиналась ярдах в трех-четырех от ворот – в этом промежутке они и скопились, не желая идти под сетку. Слышался многоголосый детский плач, сустились воспитатели. И Эйнштейн, как выяснилось, был встревожен – бросал в коммуникатор отрывистые фразы:

– Ну... Так... Сколько таких? Почти все... Да, возможно, придется уводить «образцы»...

Потом переключился на охрану:

– Будьте готовы открыть ворота... Когда?! Когда скажу!!! Что значит без команды?... По моей команде, по команде Голдинга или Глиттера, вам без разницы! Главное, не проспите!.. Сучьи дети, – сказал он уже в воздух. Поймал мой взгляд и объяснил: – Шерхану не понравился запах. Говорит, пахнет большой и страшной тетей.

– И что это значит?

– Да что угодно, – пожал он плечами. – Зона. Сначала забеспокоился Шерхан, а потом и все мутантское зверье что-то плохое стало чувствовать. Похоже, накрылось наше с тобой пари, дружок.

– А что аномалы?

– За компанию со зверьем тоже паникуют. Скарабей подтвердил угрозу, а у него чуйка – это да. «Большая и страшная тетя»...

Откуда-то у него появился бинокль, в который он принялся разглядывать пространство за Периметром. Наверное, узость обзора и помешала ему первому заметить опасность.

На импровизированной трибуне закричали. Я, наоборот, обмер, не в силах звука издать.

Тахорг появился из-за бывшего авторынка, давно превратившегося в автокладбище, – то есть со стороны заброшенных ферм. Одним прыжком перемахнул через пару стоящих в ряд ремонтных эстакад, и вот он уже здесь, на пустыре перед «игровой площадкой». Застыл, пригнувшись. На людей внимания не обращал. Пошел вперевалку к кустам, все нюхая и нюхая воздух, сосредоточенно и увлеченно, словно вынимал ноздрями из окружающего пространства нечто крайне важное для него...

Тахорг!

Никогда я эту тварь живьем не видел. Из присутствующих, думаю, тоже мало кому посчастливилось. Тренажер – тьфу, нейроиндукторы не способны передать всю мощь и всю мерзость этой горы мяса. Ветром донесло вонь. Более полусотни ярдов до ворот, а такое амбре.

– Открывай, сержант! – шипел Эйнштейн в коннектор. – Что значит не можешь? Я тебе покажу – отказ системы! Под трибунал!

Ворота не двигались.

Сотрудники бежали со двора, хотя уж сюда-то тварь точно не могла попасть.

Мама, думал я. Мама, мама, мама...

Тахорг, со внезапной яростью растерзав кусты, нашел там что-то – что-то странное, – взял эту штуковину передними руками-лапами и принялся тереться об нее длинной мордой. Он громко скулил. Или это был вой? Кто его разберет.

– Откуда ты здесь? – бормотал Эйнштейн, обращаясь к монстру. Он внимательно и собранно изучал гостя в бинокль. – Не должно тебя здесь быть, не суетесь вы в промышленные районы. И Стена вам никогда не нравилась... Ну-ка, ну-ка, с чем это ты играешь?

Тахорг недолго возился с предметом, найденным в кустах. Наконец обратил внимание на двуногую добычу, толпящуюся, как скот, в металлическом загоне. Унюхал страх, услышал плач. Он, конечно, с первой секунды видел их всех, слышал и обонял, просто теперь время пришло. Один миг – и он у сетки. Выпустил непонятную игрушку из рук (она металлически звякнула, стукнувшись о раму). Открыл страшную пасть, подцепил несколько ячеек своими зубами-иглами, рванул... Попавшие в плен жертвы хором заорали. Все, включая охранников.

Сетка выдержала.

Мама, мама, мама...

– Это была приманка, – сказал Эйнштейн, глядя на меня пустым взглядом. Бинокль он положил на ограждение балкона. – Думаю, запах течной самки. Или запах ее мочи. Кто-то принес сюда контейнер и бросил в кустах. Тахорга приманили, Питер.

Дружно задолбили М-16 – охранники вспомнили, кто они и зачем здесь. Стрелять с трясущихся рук – польза сомнительная, однако ни одна пуля в цель не попала совсем по другой причине. Целься, не целься, мишени каждый раз на месте не оказывались. Что одиночными, что фиксированными очередями по три выстрела – все в ясный свет.

Зверь запрыгнул наверх и пытался порвать сетку когтями задних лап. Когти у него там – как сабли. Хорошо, не пилы. Сетка пока держала удары...

– Да раздвиньте же ворота! – проорал Эйнштейн в коммуникатор. Выслушал ответ и сообщил мне пугающе спокойным голосом: – У техников на пульте высвечивается, что дверь открыта. Хотя, как мы видим, она закрыта. Помогите им спастись, – показал он в сторону Зоны. – Подумай, что сделать. Любые полномочия... Глиттер! – закричал он вниз. – Парни! Попробуйте вручную!

Вручную бесполезно, автоматически подумал я. Даже в теории. Ворота специально такими сделали, чтоб никаких вариантов, кроме штатного, чтоб никто не смог, обойдя электронику, впустить с той стороны какую-нибудь мерзость. Боялись сюрпризов *оттуда*, а вовсе не мифических побегов, потому техзадание перед изготовителями поставили простое – закрыться понадежнее, а остальные функции вторичны. Ну и что при таком подходе придумаешь?

Эйнштейн куда-то убежал, а я стоял и смотрел. Заворожил меня этот ужас.

Тахорг метался вокруг огромной человеческой клетки, выискивая слабое место, и не находил, однако возникало ощущение, что вечно это не продлится, что вот-вот, сейчас... Клетка стонала и корчилась, но держалась.

У охранников по ту сторону Стены кончился боезапас, им перекинули снаряженные магазины. Когда все благополучно разрешится, начальство, наверное, озаботится установкой станковых пулеметов, гранатометов и огнеметов в этом самом домашнем из КПП, но это будет потом. Майор Глиттер организовал людей, его маленький отряд бесславно воевал со створками ворот. Появились инструменты – ломы, газорезка, угловая дисковая пила. Все это были тупиковые пути. Ни до замка, ни до сервоприводов так просто не добраться, это ж бункер, броня, а двигатель встал на стопор – как и запрограммировано при любом сбое в цепях.

Другие люди накидали к воротам ящиков, создав подобие лестницы, но, чтобы вывести пленников поверху, со стороны Зоны нужно было навалить такую же кучу, иначе им не подняться. Начали швырять ящики туда...

Это диверсия, думал я. Кто, зачем? Без тебя разберутся, гений. Не отвлекайся. Предположим, накрылась таблица ключей. Но тогда бы активизировали резервную копию, а если таковой нет, сбросили бы конфигурацию, вернув исходные заводские настройки. А вдруг тупо перекосило замок? Сигнал пошел, и один из замков сдвинулся с места, плохо

был закреплен, разболтался. То есть надо немедленно бежать вниз и проверять... Стой, бегун. Забываешь, что сказал Эйнштейн: на пульте высвечивается полный порядок, ворота якобы открыты. Что же это значит? Что-то ведь значит, что-то очень простое и понятное... Плохо, если замкнуло. Замыкание на замке – это катастрофа, добраться до него сможет только ремонтная бригада в полном оснащении. Замыкание в других местах – запаришься искать. Тахорг ждать не станет. Кстати, прежде чем искать, надо все обесточить, причем не только пультовую. Питание надо отключать полностью, тотально, включая аварийные батареи рядом с двигателями... Хорошо, отключили, что дальше? А дальше – снова включить. Система неизбежно начнет перезагружаться, замкнуло где-то или нет, без разницы. Это займет минимум пятнадцать минут, но хитрость в другом. В самом начале будет несколько секунд, когда механизмы и сервоприводы встанут в исходное положение. В том числе стопор двигателя. Створки ворот при этом разблокируются, а значит, можно попытаться их сдвинуть! Хотя бы щелочку для людей сделать, чтоб вылезали поодиночке... Это идея. За неимением других...

Стой, не беги, удержал я себя. Это диверсия, забыл? Отсюда и пляши. Самая простая, доступная и надежная цель для короткого замыкания – контроллер замков. То устройство, за которое ты зацепился вчера взглядом. Установленное в подвесном потолке возле хозяйственного блока. Без которого электронные замки не работают, а ворота с такими замками умирают... Да, но если б контроллер коротнули заранее, КПП сразу бы вышел из строя, и никто бы в Зону вообще не попал. Получается, испортили только что, в нужную секунду? Нет, не могли: охрана наблюдает за коридорами. А если б даже сам момент диверсии был охраной профукан, то в записи бы это осталось. Они ж наверняка сейчас все записи в спешке потрошат, ищут злодея.

Кроме того, как мне хорошо помнится, в контроллере зачем-то была дублирующая цепь. Я тогда подумал: замкнуло одну – вторая наготове. Ведь из-за этого дублирования я вчера и промолчал, решил не беспокоить господина главного инженера, хотя на самом деле просто побоялся выглядеть идиотом.

Что-то не складывалось...

А потом случилась катастрофа.

Тем, кто перекидывал на ту сторону ящики, времени не хватило. Тахорг оказался возле контейнера с пьяным, возбуждающим его запахом – у дальней стороны клетки. Подцепил игрушку мордой, начал рыть землю... И вдруг рванул один из стальных шестов, вкопанных в землю и составлявших каркас клетки. Выдрал. Рванул второй – выдрал! Сетка приподнялась – и... Гость нашел дорогу к отрезанным от мира хозяевам.

Полетели во все стороны электрические брызги. Монстр прыгал по стыкам, не обращал внимания на аномалию, плевал он на правила игры. Ближайшего, самого нерасторопного охранника вогнал в плиты – буквально. Лепешка, пятно. Навстречу ему выскочили две воспитательницы, одна в обычной форме, вторая – в вязаной безрукавке. В домашней, чистой шерсти, с красивыми «косами». «Мама», – задохнулся я. Зверь махнул лапой, и головы у одной из женщин не стало.

У той, что в вязаной безрукавке.

Кровь ударила вверх, как фонтан. Куда подевалась голова, я не видел. То, что от женщины осталось, мягко свалилось на плиты – набитая ватой, выкрашенная алым кукла.

Вторую женщину швырнуло на сетку, тело отрикошетило и тоже где-то упало. Вторая кукла. Электрический фейерверк завершил этот коротенький эпизод.

Дальше – не помню...

Короткое замыкание вселенских размеров.

Мама, мама, мама...

Провал, обрыв. Небо закручивается ослепительно-белой воронкой. Кто-то подхватывает меня, возвращает на землю, на балкон институтского сортира, кто-то трясет мое сонное тело:

– Это была Каролин! Питер, не раскисать!

Эйнштейн... Откуда взялся? Только что не было.

– Жива твоя мать, парень! Пока жива, но если не поторопиться...

– А как же безрукавка?

– Марина отдала Каролин свою. Ты что, не знал?

– Зачем?

– Тьфу! «Инфразвуковики» хотели проучить мисс Уоррен, а в палату за ними пришла Каролин, ее случайно и облили водой. Перед самой игрой. Какая разница, Питер? Марина жива!

– А шарф?

– Ну, значит, шарф тоже ей отдала! Ты подумал над решением задачи?

Пытаюсь подняться, и вдруг оказывается, что я стою на ногах. Никуда я не проваливался и не взлетал. С момента проникновения тахорга на «игровую площадку» прошли секунды, но там уже развернулось настоящее сражение.

Дракула умудрился откусить чудищу когти на одной из рук. Отличный парень Дракула, девять лет, а настоящий боец, привыкший побеждать. Сохранил человеческий рассудок, умеет и любит разговаривать. Гибкий, подвижный, местами покрытый скользкой чешуей. С зубами акулы, с многоуровневой, многозубой челюстью. Пока не улыбнется – хоть как-то сойдет за мальчика. Если улыбнулся – напугал акульей пастью до поноса. Вот почему он никогда не улыбается...

Шерхан рассек тахоргу шкуру на холке. Не до крови, конечно, для этого и кинжала не хватит, но лоскут болтался. Шкет не столько прыгал, сколько летал вокруг монстра, двигаясь настолько быстро, что глазом не уследишь. Тоже правильный пацан, хоть и порос оранжево-черной шерстью от задних конечностей до передних.

На стыки, что характерно, оба они не наступали, ни Шерхан, ни Дракула. В результате у них на пару очень хорошо получилось отвлечь тварь. Тут и охранник наконец попал из своей пукалки, как надо, засадив два раза по три в шею (вернее, в кожные складки на месте шеи). Тахорга опрокинуло, он заверещал. Для него это было как булавоочный укол, ну пусть как шесть булавоочных уколов за раз, однако он все-таки потерял ориентировку.

Бабочке этого хватило.

Девочка подбежала и выдула мыльный пузырь. Или это было что-то иное? Огромный, дышащий на ветру шар целиком поглотил тахорга; тот закрутился внутри пленившей его радужной пленки, как в прозрачном мешке, не в силах выбраться. Зверь катался по площадке, разева пасть и исторгая неслышный рев. Он рвал, рвал, рвал преграду когтями... Тщетно.

– У нее получилось! – воскликнул Эйнштейн в полном восторге. – Пенка – блеск! Жаль, стабильность под вопросом...

– Вам подменили контроллер, – сказал ему я.

– Что?

– Подменили контроллер замка. Кто-то вынул штатный и поставил свой. Думаю, это сделали вчера, когда накрылась подстанция.

– Так чего ж ты стоишь? – рявкнул он, схватив суть с полуслова. И в коммуникатор: – Морис, где у нас ЗИПы по сторожевой системе Периметра?

А я уже топал прочь.

– Я знаю где, – обернулся на ходу. – Исправлю. Только его возьму, хорошо? – потянул я за собой инженера из «тренажерной», который до сих пор пребывал в ошолоблении рядом с нами. – Пошли, поможешь!

– Позволь, Питер... – промямлил инженер, упираясь.

– Подчиняешься Панову, – распорядился Эйнштейн. – Бегом, мальчики, бегом!

И мы побежали.

Зипы лежали в тренажерной, я сам видел, там есть ход в кладовку. Бежать было недалеко.

Как же я сразу не допер? Ведь такая заноза со вчерашнего осталась!

Контроллер – это простое устройство, дающее сигнал на открывание. По принципу триггера: если сигнал есть – дверь открыта. Если сигнала нет – закрыта. Всего одно действие. Диверсанты поменяли действие: теперь все наоборот, если есть сигнал – дверь закрыта. Вот почему у техников на пульте высвечивается полный порядок. Неисправность совершенно не очевидная, найти быстро – невозможно.

Как это сделали практически? Заменяли контроллер, ясен день. Работает не настоящий, а специально кем-то изготовленный. Вторая схема внутри того устройства, что сейчас управляет воротами, – никакая не дублирующая, как я ошибочно подумал, ее вообще не должно быть. Это параллельная схема с сигналом наоборот. Плюс, очевидно, переключатель, управляемый по радио. Ровно в тот момент, когда группа детей зашла на «игровую площадку», по внешнему сигналу одна схема отключилась и включилась вторая. Поменялись вход и выход.

Пазл сложился.

Работа была простая: взять новый контроллер, выдрать плитку из подвесного потолка, изъять чужеродную коробочку и вставить на место штатное устройство. Мы все сделали максимально быстро.

Тут же услышали радостные вопли: «Ворота открываются!!!» Буквально весь корпус, а то и весь Институт содрогнулся от ликования. Было похоже на маленькое землетрясение.

– Ты гений, Пэн, – сказал мне инженер.

Я только рукой махнул.

Опять бежать – во двор, к воротам. «Дети сталкеров», не дожидаясь, пока створки раздвинутся окончательно, возвращались в наш мир, показывая Зоне пятки. Спасатели, наоборот, медленно и осторожно входили в Зону. Я промчался мимо них всех – на «игровую площадку», не глядя под ноги.

Думал, полетят искры из-под кроссовок, приготовился к болезненным ощущениям. Нет, ноль эффекта. Не знаю, наступал ли я на стыки, не до того мне было, не следил. Вообще-то из меня плохой игрок в хот-степ (проверял не раз на хармонтском асфальте): это развлечение придумано явно не для моих рефлексов. Наверное, взбесившийся тахорг каким-то образом разрядил аномалию, надеюсь, временно.

Мама...

Ей помогали подняться. Она кричала от боли: что-то в ней было явно повреждено. На изуродованный труп Каролин я старался не смотреть, но он почему-то все время попадался на глаза. Оторванную голову положили в пластиковый мешок... Я был во всем виноват. Мог не допустить беду и допустил. Что теперь сказать Крюку? Какими словами объяснить, насколько мне стыдно?

Тахорг по-прежнему бился, пытаюсь выбраться из ловушки, ярость его ни на гран не уменьшилась, скорее – возросла. Его окружили солдаты с ранцевыми огнеметами наготове. Пленка, сдерживающая тварь, потускнела и помутнела, потеряла праздничный вид. «Пенка» по выражению Эйнштейна. Недолго осталось ждать, когда преграда, созданная Бабочкой,

лопнет и растворится в воздухе. Другие солдаты спешно тащили клетку с впечатляюще толстыми прутьями; похоже, тахорга хотели сохранить живым. По возможности, конечно.

– Как ты? – спросила меня мама, кривясь от боли.

Как я? Ну и вопрос! Я захохотал.

– Не плачь, – сказала мама, – мы всё пережили и это переживем.

Я разве плачу?

– Каролин... – прошептала мама.

И сама заплакала.

– С чего эта дрянь к нам прискакала? – произнес кто-то за моей спиной. – Расскажу – не поверят.

Меня словно подбросило.

А и правда! Все присутствующие как будто забыли о главном, да и сам я чуть не забыл!

– Куда ты, Петушок? – отчаянно вскрикнула мама.

Я несся к краю площадки, к лазу, пробитому тахоргом. И опять никаких искр из-под ног. Что-то было с аномалией не так, неужели и впрямь подпортилась? Я сунулся под выдранную сетку, дотянулся рукой до валявшегося контейнера с ароматами тахорговой подружки и схватил трофей.

– Колпачок тоже захвати, – дернул меня кто-то за ногу.

Опять Эйнштейн. Вот человек! Вездесущий, как таракан.

– Захватил.

Он втянул меня обратно.

– Берегись «жгучего пуха», это дерьмо почему-то летает за тахоргами, как намагниченное.

– Напугали хорька цыпленком.

Цилиндр высотой в три дюйма был чем-то похож на большую винтажную зажигалку. Теплый, сволочь. Головка в верхней части курилась, оттуда шел вялый дымок.

– Чувствуешь зов? – спросил Эйнштейн. – Не тянет вскочить на ближайшую леди?

Пошутил главный. Нашел время. Я так взглянул на него, что он лицом вытянулся и сказал поспешно:

– Извини, брат... Я хотел, чтоб ты понял: контейнер активировали дистанционно. Момент, когда в воздух была выброшена ударная порция субстрата, выбрали очень точно.

– А чего тут не понять? Все то же самое, что и с подмененным контроллером.

Эйнштейн вынул вещицу у меня из руки, взял колпачок и закрыл им «зажигалку». Громко щелкнуло.

– Больше не пахнет. – Он протянул мне контейнер обратно. – Бери, пользуйся.

– В каком смысле?

– Твой хабар, имеешь право, – объявил он на полном серьезе. – Первый твой хабар... Кстати, Питер, если не ошибаюсь, ты и в Зоне впервые? Как, чувствуешь что-нибудь?

Глава 5

Из «Детского сада» выгнали всех посторонних, и я, какой сюрприз, попал в их число. Вышел наружу. Стою на ступеньках, соплю жую. Достаю сигариллу...

Перед Институтом – площадка с парой сомнительных скамеек по краям и с квадратным газоном в центре. По периметру газона когда-то были высажены кусты жимолости, а траву иногда стригают, чтоб совсем уж не позориться. Бордюр весь в выбоинах, крошится помаленьку, никто его не поправляет. Весь этот зеленый квадрат усыпан скомканными сигаретными пачками, смятыми банками, бутылками, фантиками и прочим мусором. Ученые тоже люди, и простое человеческое свинство им не чуждо.

Электровэны «Скорой помощи» толпятся по бокам от входа. Армейский джип, перевалив через бордюр, заехал прямо на газон. За площадкой видна улица, уходит влево и вправо, – там, возле автобусной остановки, громоздится военный фургон, в котором скучают бойцы национальной гвардии. На автостоянке скопилось необычно много машин со всевозможными эмблемами. И нигде никакой суеты, никакой беготни: спокойно вокруг Института, скучно. Людей мало. Не подумаешь, что произошло ЧП с несколькими смертями.

Вся суета внутри. Во всяком случае, медперсонал находится там, как гражданский, так и в погонах, их приехало довольно много. Почему пустили гражданских? Ну, так ведь Институт до сих пор имеет международный статус, сколько над этой формальностью ни смейся, и сторонних сотрудников в штате хватает. Понабежали также чины из полиции плюс субъекты очень характерного вида из контрразведки. Надеюсь, эти компании пауков – полиция, военные, контрразведка – жрут сейчас друг друга, стараясь прибрать дело к своим рукам.

Ни трупов, ни раненых пока не выносили. Мне остается только ждать...

Сэндвича я замечаю сразу, он сидит, как и договаривались, на автобусной остановке – спиной к Институту. Ладно, пусть еще посидит, решаю я, не растает под жарким летним солнцем. Потому что, не успеваю я спуститься по ступенькам, ко мне подскакивает дружище Крюк.

– Не пускают! – захлебывается он словами. – Видите ли, не моя смена! Ну да, не моя сегодня, но всегда ж пускали!

– Покури, – даю я ему раскуренную сигариллу.

Он машинально берет. Затягивается.

– Что там стряслось, Пэн? Никто ничего не говорит. Сказали, на «игровуху» напали. Это что, приколы? Или опять дебилы из «Нового Ирода»?

– Подожди, сейчас все расскажу, – обещаю ему, беру за рукав рубашки и отвожу в сторону. – Ты принес мне письмо?

– А, да, – вытаскивает он конверт, – само собой. Попробуй не принеси. Бабушка у тебя – тот еще сержант...

Я быстро убираю почту с глаз долой. Бабулину роспись на клапане конверта проверю потом и записку прочитаю потом, без свидетелей.

– Ну? – Он едва не подпрыгивает от возбуждения. Похоже, что-то чувствует, бедолага. Язык у меня во рту становится вдруг свинцовым, неподъемным. Как ему сказать?

– Там был тахорг, а не «ироды», – сообщаю Крюку, глядя вбок. В глаза ему – не могу. – Набросился на сетку, когда сразу две группы застряли на площадке.

– Почему застряли? – жадно спрашивает он, словно понимает, что это важно.

– Потому что какие-то твари застопорили ворота. Помнишь, вчера сожгли подстанцию и обесточили филиал Института? Для того чтобы вырубить у нас охранную систему. За пару минут, пока все видеорекамеры были мертвыми, их человек подменил контроллер...

– Это все я знаю! Ну, ну, дальше! – торопит он меня. – С площадки всех вытащили? Молчу. Нечего мне сказать.

Из корпуса выходит мисс Уоррен, выполняющая в «Детском саду» функцию учителя начальных классов. Та самая, из-за которой мутанты-аномалы по ошибке, непосредственно перед Зоной, облили водой Каролин. С проходом в Зону здесь строго, ни на секунду не опоздаешь, но не идти же было Каролин мокрой? Вот моя мама, недолго думая, и отдала подруге свою безрукавку, и та надела вязанку прямо на белье. И шарфик отдала, чтоб настроение ей поднять. А я этого не заметил, не смотрел я на женщин, мысли были заняты совсем другим, столько всего навалилось... Стоп, одернул я себя. Мисс Уоррен – противная дура, которая ни разу не была замужем, хоть уже и в возрасте, для которой существует только два мнения, ее и неправильное, и которая имеет твердую позицию буквально по любому поводу. Это все – да. Но она не виновата в том, что случилось с Каролин...

– Ваклав! – останавливается дама возле нас. – Мальчик мой, прими мои соболезнования. Ты поплачь, не держи горе в себе.

Крюка звали Вацлавом, а не Ваклавом, но какая теперь разница, если главное произнесено.

– Ка... какое горе? – цепенеет он.

– Ах, ты еще не знаешь? – Она смотрит на меня с укоризной. – Хороши же у тебя друзья. Бедный сирота...

Сигарилла в его пальцах ломается.

Крюк убегает к проходной, и нет сомнений, что на этот-то раз он прорвется.

– Великолепно сыграно, – говорю я мисс Уоррен. – Мои аплодисменты, – беззвучно хлопаю в ладоши.

– Весь в свою мать, – констатирует она, скорбно кивая сама себе. – Ни культуры, ни воспитания.

Удаляется.

Прежде чем встретиться с Сэндвичем, я не выдерживаю, вскрываю конверт. Быстро читаю папину записку. Почерк у папы несколько искусственный, буквы как будто печатные, друг с другом не соединяются, зато разборчивый.

«Если захочешь принять душ, мочалка в кладовке, в коробке с тряпками».

Мочалка? В кладовке? Да еще в коробке с тряпками???

Что за бред! Нет у нас «коробки с тряпками», в кладовке у него в основном инструменты да бытовая химия. Папа со своей сыщицкой работой умом тронулся?

Но если не тронулся и не бред, то, значит, его послание ко мне – это шифр. А также, очевидно, руководство к действию.

* * *

Залезаем в машину Сэндвича.

У этого прохиндея своя тачка, причем не развалюха подержанная, а новый внедорожник от мистера Форда. Вот такой респектабельный нынче гопник, он же джанк. А какого придурка отмороженного когда-то из себя корчил, любо-дорого было смотреть. А какие у нас с ним были терки... Эх, где наша молодость? Сейчас-то между нами, естественно, войны уже нет, наоборот, прочные деловые отношения. За пару лет я хорошо поднял свой авторитет.

Сэндвичем его прозвали потому, что нарушена пигментация. Сам белый, но с коричневыми пятнами – на голове, на шее, на плечах. Что там у него ниже плеч – не видел, Господь уберег. В общем, приметный тип.

Машина его стоит здесь же, припаркованная на улице перед Институтом. Я держу в поле зрения проходную, чтобы не упустить момент, когда пойдет наконец движение. Никому мы не интересны, можно начинать неформальную часть встречи.

Отдаю Сэндвичу пакетик с расческой:

– Принимай товар.

– Та самая крыса? – уточняет он.

– Так точно. Пеппи Длинныйчулок.

– О'кей, – прячет он биоматериал у себя.

– А проверить качество? Понюхать, лизнуть?

– Я тебе доверяю, остряк. Но кто-нибудь когда-нибудь тебя обязательно грохнет за неудачную шутку.

– Даже жаль, что ты этого уже не увидишь.

– Не каркай. Вот твой кэш, подставляй краба. – Он достает перетянутые резинкой деньги. – Напоминаю, что за тобой еще остались Боа и Сизиф. И отдельная просьба. У вас там появился новенький, да? Малек, который светится. Так вот, если ты узнаешь, кто он такой, настоящее имя, адрес, что-нибудь про его родителей, то получишь ровно три такие пачки... Чего зелень-то не берешь? Мозги зависли, умник?

Он протягивает мне гонорар, а я не двигаюсь. Смотрю на него и думаю, в последний раз прикидываю расклад. Задавать ли ему те вопросы, которые у меня заготовлены, или не связываться, воздержаться? Понятно, что наши с ним шпионские игры – совсем не игры, и если возьмут меня за задницу, то не посмотрят, что мне всего пятнадцать. Эйнштейн вчера ясно дал понять: я зарываюсь. Начнут хоть в чем-то подозревать – будет поздно, в контрразведке люди без сантиментов. Так стоит ли повышать уровень криминальных контактов, шагать на ступеньку, так сказать, взаимных услуг, делая себя зависимым неведь от кого?

Сэндвич полагает меня сопляком-несмышленищем, и я его пока не разубеждаю. Хотя мне отлично известно, что он – мельчайшее звено в агентурной цепочке, куда мельче, к примеру, чем я. В конце концов, кто вытаскивает из «Детского сада» генетический материал? А Сэндвич всего лишь переправляет мой товар своему компаньону – хозяину забегаловки под названием «Бистро», китайцу по фамилии Ву. Крюк проследил – это оказалось элементарно, каким бы Сэндвич ни воображал себя конспиратором, как бы ни хвастался умением сбрасывать «хвосты» (смех смехом, но было такое). А в этот раз мы с Крюком решили проследить уже за барменом, ну то есть за хозяином «Бистро», он там за стойкой отирается. Кстати, еще и хабар скупает – буквально классика жанра! И очень нам интересно стало, кому ж бармен дальше мой пакетик передаст, кто следующее звено в цепочке? Чтобы это выяснить, я, собственно, и провернул сегодняшнее дельце с Пеппи, иначе бы дерьмо в глазури они получили вместо волос сказочной девочки. Мое желание завязать было твердым, но Крюк убедил меня рискнуть еще разок. Не ради пачки слюнявых, а за принцип. Что потом делать с этой информацией – разные были варианты. Отчаянный мужик, мой несчастный Крюк, риск для него – наркотик... Но, как видим, форс-мажор. Все сорвалось – и Сэндвича я вызвал в неудачное время, и Крюку теперь не до «Бистро»...

И ведь понимаю, что я в этом паучьем террариуме – еда, какие бы миражи в своей голове ни строил! Так нет же, вместо того чтобы поскорее выпутаться и бежать подальше, по доброй воле собираюсь прыгнуть в паутину.

Просто у меня есть папа, и я за него отвечаю. Вот так, парни. Это на самом деле просто, если без рефлексий.

Почему, собственно, Сэндвич такой наглый по жизни? Да потому что папаша его – судья! В случае чего этого урода предупредят, отмажут, а любую мелочевку на тормозах спустят. Получается, с ним надо дружить, учитывая мои обстоятельства, а не тупо рвать отношения. Дружить и рачительно использовать.

Плюс к тому его невидимые заказчики, равнодушные к наследственности мутантов, – эти особо интересны, потому что у них, подозреваю, есть не только деньги, но и влияние в Хармонте. Правда, смогу ли я, в свою очередь, быть интересен этой компании?

– Оставь монету себе, – говорю Сэндвичу. – Есть встречное предложение.

– Давай.

– Моего отца упрятали в крытку. Слышал?

Он медленно убирает деньги, почему-то заулыбавшись. Скотина.

– Ну, до крытки ему еще дюжину лиг пехом, – отвечает. – Следствие, суд. Пока что он сидит на речке.

«На речке» – то есть в следственном изоляторе, расположенном в районе причалов на Нижней. Ага, примем к сведению.

– Нужна информация по его делу. По максимуму. Сколько тебе нужно времени, чтобы все выяснить?

Золотой мальчик, бывший когда-то честным джанком, улыбается еще шире. Меня бы от него стошнило, если б не воспитание.

– Сколько нужно времени? Да нисколько. Я знал, что тебе эта инфа понадобится, и подготовился. Могу поделиться прямо сейчас. Если скажешь «пожалуйста». Скажи «пожалуйста», Пэн.

– Денег тебе недостаточно? – осведомляюсь. – Тогда сделка отменяется. Гони монету, я пошел. – Протягиваю руку. – Доставай, доставай, чего ждешь. Инфу твою я и без тебя получу через час-два, а это время потрачу на размышления. Сказать, о чем буду думать? Нужно ли мне возиться с мутантами, с твоими Боа и Сизифом, не слишком ли большой это геморрой.

Я смотрю на него особым образом, как умею, когда припрет. Не знаю, что там люди видят в моем взгляде, но скотство с них обычно слетает, как шелуха с ошпаренной луковицы. Сэндвич пугается:

– Подожди, чего пылишь? Дурак, шуток не понимаешь... Твоего отца взяли за убийство. В «Метрополе» шлепнули столичную цацу, Рихтер ее фамилия...

– Подробности убийства знаешь?

– Не сильно больше, чем в новостях. В отеле видели, как Макс, ну, то есть твой отец, ночью приходил к миссис Рихтер, поднимался к ней в люкс на лифте. Время совпадает со временем смерти. Дежурный сначала позвонил ей снизу, спросил разрешения, значит, тогда она была жива. Кстати, все материалы видеонаблюдения кем-то уничтожены, копы считают, что Максом... твоим отцом. Никто другой, кроме него, ночью в люкс не заходил, во всяком случае, в отеле больше никого постороннего не видели.

– Так... – Я соображаю. – Это все не прямые улики. Плохо, но есть с чем работать.

– Плохо, Пэн, плохо. Его повязали с личным, как только он сунул банковскую карту в банкомат и ввел пин-код. Карта принадлежала той богатой цаце, а на счету была офигенная сумма. Большой куш, мотив для убийства. Если Макс ввел пин-код, значит, откуда-то его знал. Откуда? От убитой. На ней под три десятка ножевых, ее перед смертью явно пытали. Зачем пытали? Чтобы узнать код. Так все складывается, Пэн. Копы, как я понял, специально следили за твоим отцом, хотели, чтоб все тип-топ, чтоб точно с личным...

Скверные дела. Настолько скверные, что у меня на миг мутнеет в глазах.

Банковская карта... Видимо, та самая, которую миссис Рихтер оставила папе в конце их безумного разговора. Долбаный аванс. Провокация?

Какая, к свиньям, провокация?! Она планировала, что ее укокошат? Да быть такого не может! Стервы вроде нее, наоборот, мечтают пережить всех и остаться последним человеком на Земле!

Спокойно, беседа еще не окончена. Обдумывать будем позже.

– Мне жаль, Пэн, – подытоживает Сэндвич. Хрен ему кого жаль. Хорошо видно, что испытывает удовольствие от рассказа, чутко улавливая мои эмоции. – А знаешь, что хуже всего? В городе объявился Носорог. И это не африканский бык, Пэн, это погнало очень уважаемого человека. Можно сказать, птица высокого полета...

– Так птица или корова? Я в курсе, кто такой Носорог, не трудись меня поразить. И что миссис Рихтер была его женой, тоже в курсе.

Он удивлен и разочарован. И правда хотел меня поразить.

– Ну, раз так... Значит, сам понимаешь, что грозит твоему отцу. Полиция для него, по моему, сейчас самая маленькая из проблем.

– С чего ты взял, что Носорог в Хармонте?

– Источники! – изобразил он пальцем спираль. – Ты не сомневайся, инфа стопроцентная.

– И где конкретно этот бык у нас обитает?

– Ты б еще спросил, какого калибра у него пушка. Не знаю и знать не хочу.

– Ладно, ладно, – говорю Сэндвичу, следя за голосом, чтоб не дергался. – Я тебе благодарен, инфа у тебя – высший сорт. Есть второе предложение, интереснее первого. Выведи меня на своего босса.

– Какого босса? – фальшиво удивляется он.

– Того, которому твой бармен, мистер Бистро, переправляет мои посылки из «Детского сада».

– Откуда знаешь про «Бистро»... Тьфу! Слушай, ты, летающий мальчик... Говнюк ты все-таки! Если проболтаешься, тебе конец.

– Я буду очень осторожен в общении. Ну так что?

– Тебе это вообще зачем?

– Есть, что продать, – говорю. – Новый товар, и он куда ценнее, чем все эти волоски, вся эта мутантская шерсть. Но разговаривать буду только с вашим заказчиком.

– Ты сказал – предложение, а на самом деле – подстава, – шипит Сэндвич в ярости. – Мне-то какой прок вас сводить? Чтоб через меня переступили, как через кучку говна? (Именно так, мысленно соглашаюсь я с ним. Именно кучка. Сам сказал.) Да и не знаком я с заказчиком, все контакты через Ву!

– Даю двадцать процентов от суммы сделки. Мой товар – бомба, тянет на две сотни грандов. Это для начала. А каким хитрым винтом ты поимеешь своего Ву или, там, согласишься с ним – твои заморочки.

И как-то сразу ситуация меняется. В глазах у Сэндвича загорается огонек, имя которому жадность, а в голове, я полагаю, начинают щелкать большие числа.

– Тридцать процентов! – объявляет он. Я демонстрирую острые сомнения. – Ты не знаешь Ву, – настаивает он, – этого хорька не объедешь, значит, придется делиться.

– Двадцать пять, – поднимаю я ставку – и вдруг замечаю...

Чуть не пропустил, пень деревянный!

Из проходной, оказывается, уже выносят носилки.

И тогда я выталкиваю дверь машины («Осторожно, ты!» – вопит оскорбленный Сэндвич), выпрыгиваю на тротуар, не дослушав, что он мне там начал плести насчет объективных сложностей, чем начал возражать, какие выдвигать условия и какую определять цену вопроса. Я мчусь встречать маму.

* * *

Пока я валял с Сэндвичем дурака, изображая крутого оперативника, солдаты из фургона оцепили подходы к Институту. Меня не пустили дальше скамеек на площадке. Осталось только стоять и наблюдать.

Стою, наблюдаю.

Сначала выносят трупы в мешках. Когда я подбегаю, Каролин, видимо, уже погрузили, потому что Крюк, шатаясь, как пьяный, бредет от одного из вэнов. Миновав оцепление, добредает до газона, стоит, закрыв лицо руками, и падает. Лицом вниз. И остается так лежать.

Я бросаюсь было к нему, но тут появляется мама – спускается по лестнице. Не сама, увы, ее несут на носилках санитары, а она пытается встать и доказывает им, что ей гораздо лучше и что она может передвигаться самостоятельно. Врач шагает рядом, не реагируя...

Что-то было не то. Смотрю и не могу понять.

Понимаю, когда санитары открывают заднюю дверь вэна и принимают заносить носилки в салон. Выражение лица у врача... Среди медиков хватает людей циничных и черствых, повидал я таких среди многочисленных папиных знакомых, так что вежливым равнодушием и отсутствием интереса к пациенту меня не проймешь. Но равнодушие этого было совершенно иного сорта. Плевать он хотел на маму вовсе не потому, что скотина такая, а потому что занят был делом. Он контролировал окружающую обстановку – короткий взгляд на одну крышу, на другую, взгляд на автостоянку, потом – вдоль улицы, потом – на окна жилого дома. Спецназовец на задании, сталкер на маршруте. В крайнем случае – телохранитель. Папа иногда похожим образом преобразается – во время приступов, когда на него что-то находит. «Бурная молодость не отпускает», – шутит он, плотая нейролептик.

А этого типа в зеленом халате что не отпускает? Быть готовым к опасности для него явно привычное занятие. Потому и лицо такое – специальное.

«Злой доктор».

Не его ли подглядела в своем видении Бабочка, странная девочка, умеющая вытаскивать радугу из бурды?

Я смотрю на «скорую», в которую маму укладывают. Нет, не так – я *смотрю* на электровэн. И с растерянностью вижу, что внутри – абсолютно никакого медицинского оборудования! Пустое пространство. Никакая это не «скорая», а просто раскрашенный фургон, обманка. Красный крест на боках и на крыше. Здоровенные колеса вынесены за пределы кузова – как четыре ноги. И вправду похоже на паука. На чудовище, увиденное Бабочкой.

Мама, присев на носилках, опирается руками о края кузова, вроде как помогает санитарам, но кажется, будто она сопротивляется, будто ее заталкивают силой. И вдруг я понимаю, что не кажется – именно заталкивают. Кричать она не может, врач как бы случайно закрыл ей рот рукавом. Носилки стремительно вброшены внутрь машины, троица тоже скрывается внутри, дверца опущена. Лже-«скорая» трогается с места.

Орать, указывая пальцем? Не успею. Пока вокруг сообразят, пока поверят...

Бегу за отъезжающей машиной по прямой – через бордюр, по газону, перепрыгиваю через лежащего Крюка – и останавливаюсь. Отчетливо *вижу* все внутренности электровэна, все его электромеханические потроха. Постоянный ток от батареи превращается инвертором в переменный, крутится двигатель, передавая вращение колесам. Это настолько просто, что обидно до слез – почему оно работает? Хочется пальцем ткнуть в электрические сплетения, чтобы железное чудовище сдохло. Хочется делать, а не смотреть... Самое уязвимое место – электронная система управления, на нее все завязано. Пальцем в нее... Еще раз! Поточ-

нее – вот в этот транзистор! Нет, не пробить железо, гнется мой палец, как резиновый. Это больно... Кричу, падаю на колени.

Сдаться? Сдаться – не про Пановых.

Вижу, как текут по машине токи: сверкающие реки, ручьи, ручейки. Совсем тоненькие ниточки – в микросхемах. Неужели не повернуть их вспять, хоть какую-нибудь? Или просто порвать... Чтобы повернуть или порвать, нужно упереться получше. И рычаг. Точка опоры плюс рычаг, все по Архимеду. Рычаг – это моя ненависть, это мой лом, точка опоры – я сам. Зацепившись за электронную схему управления, толкаю ее своей ненавистью, тяну к себе, снова толкаю, раскачивая реальность. Мир скрипит и бьется в судорогах, но остается неподвижен, и тогда я разбавляю ненависть отчаянием – всем тем отчаянием, которое скопилось во мне за нынешний кошмарный день. Лом в моих руках наполняется убийственной тяжестью – держать, держать... Что-то трещит и ломается.

С тяжким стоном мир проворачивается.

Схема управления, прощально пукнув, обугливается. Сигналов больше нет, в том числе на тягу. Чудище остановлено, но еще живо! Тогда – чтоб наверняка – я втыкаю невидимый лом в инвертор. Достаточно пробить транзистор и пару сопротивлений, после чего аккумуляторную батарею замыкает. Искры и дым. Искры не такие красивые, как на «игровой площадке», зато смысл их понятен.

«Скорая» горит.

А я падаю – рядом с Крюком.

Сил нет, но я поворачиваюсь на бок, чтобы увидеть, как к «скорой» подлетает электрокар с мустангом на капоте. Именно подлетает, буквально: машина оборудована поддерживающим полем, как армейские «галюши». Маму стремительно вытаскивают из вэна и впикивают в «мустанг». А я даже заплакать не могу – нет сил.

Свинцовая слабость пластает мое тело по земле, тошнота распространяется, как пожар. Голова стянута веревочными петлями, которые кто-то беспощадно закручивает.

Электрокар срывается с места, исчезает.

Эта их скачущая лошадка... Знаменитая эмблема. «Электрический конь», который унес маму Марину. Ты все знала, милая Бабочка, но почему ж ты вместо нормального предостережения выдала нам какую-то ахиною?

Ненавидеть мутантов тоже нет сил.

Я подышаю. Как глупо...

Надо мною возникает Эйнштейн – нависает, загораживая небо. Поздно, босс. Ты часто появляешься вовремя, когда нужен и когда лишний, но сейчас ты опоздал.

– Держись, я помогу подняться.

Берет меня под мышки и ставит на ноги. Сильный, оказывается, мужик, кто бы подумал.

– Маму похитили... – жалуюсь я, и тут меня начинает рвать.

Выташниваю все, что было. Желудок несколько раз сжимается вхолостую, спазмы проходят, но легче не становится.

– Направление – вон к той машине, – показывает Эйнштейн. – Шевели ногами. Уезжаем.

– В погоню за мамой?

– Маму не догнать, дружок, ее мы выручим позже. Но к восточному КПП успеем.

– Зачем?

– Идем в Зону, – буднично произносит он. – Надеюсь, ты не против.

Глава 6

Везли меня медленно и бережно. Лежал я на длинном боковом сиденье, а Эйнштейн делал мне капельницу. Самолично. Одной рукой держал штатив, второй жестикулировал, если разговор того требовал. Машиной управлял водитель, отделенный от нас прозрачной перегородкой. Вместительный у Эйнштейна был аппарат, в салоне мог бы поместиться десяток бойцов, но сейчас, кроме нас двоих, здесь присутствовали только рюкзаки на полу да всякое разное оборудование. Целиком его богатства я не имел возможности рассмотреть, но защитные костюмы последнего поколения видел отлично.

– Что за дрянь вы в меня заливаете? – спросил я у него.

– Антипохмельный коктейль, – ответил он мне. – Натрий, калий, магний и еще по мелочи. Лежи спокойно, осталось недолго.

– Я перепил? Что-то не помню.

– Организм у тебя, как и при похмелье, обезвожен, и в нем остро не хватает электролитов. Приходится возмещать. То, что ты сделал с электровэном, имело цену, которую ты заплатил.

– Я ничего такого не делал, дяденька, честное слово.

– Не кривляйся, тебе не идет.

– Маме не помог... – вспомнил я, и кривляться расхотелось. – Ничего я не сделал, мистер Эбенштейн! Обделался я, как щенок! Кто это был?

– Пожалуйста, спокойно, Питер. – Он положил свободную руку мне на плечо. – Я чувствую, с Мариной все хорошо.

– «Чувствую»!

– Когда я что-то чувствую, то отношусь к этому с полной серьезностью, жизнь научила. Да и сам подумай, если б ее хотели уничтожить, не похищали бы с таким риском.

– Уничто... подождите... за что?!!

– А ты думал, с какой целью напали на «Детский сад»? Чтобы перебить аномалов – это была главная цель. Заодно и персонал, с ними работающий. Только феноменальное везение помогло спасти людей. Твое участие, кстати, часть этого везения, как и способности Бабочки, внезапно скакнувшей на новый, серьезный уровень. Что касается персонала – это в том числе и твоя мама, Пэн. Но похитителям она нужна живой. Какой делаем вывод?

– Маму похитил кто-то другой.

– Вот именно. Не те, кто заблокировал ворота и натравил на нас тахорга. И это дает надежду. А насчет того, что ты сделал, Питер... Ты обратил на себя внимание, и это не очень хорошо.

– Плевать. Кстати, чем таким я обратил на себя внимание?

Он похлопал меня по плечу.

– Да ты кокетка. А вот я обратил внимание совсем на другое, и, надеюсь, только я один. Когда ты побежал через всю «игровую площадку», помнишь ли ты, что под ногами не искрило?

– Ну да, что-то случилось с аномалией, на нее каким-то образом повлиял тахорг.

– Это с тобой случилось, а не с аномалией, что с ней станется. Видишь ли, дружок, ты ни разу не наступил на стык и сам того не заметил. Идеально прошел тест. Мои поздравления, Питер.

– Площадка – это тест?

– Ты думал, подвижные игры на свежем воздухе?

– Нет, конечно. Дураку ясно, что неспроста вы туда водите мутантов. Просто это как-то...

– Непривычно? Трудно применить к себе? Привыкай, сын сталкера.

– Что вы сказали? – Я закашлялся, поперхнувшись от неожиданности слюной.

Голос ко мне уже полностью вернулся, и вообще самочувствие быстро улучшалось, больше не мутило, башка не болела, и почему-то дико хотелось жрать.

По лицу Эйнштейна все гуляла улыбочка, ехидная, но не злая.

– Я сказал – привыкай.

– Нет, про какого-то там сына...

– Это долгий разговор, а время ограничено. До того, как мы попадем в Зону, я должен тебе объяснить важный момент.

– Так мы пойдем в Зону?

– Ты думал, я шутил?

И правда, странный вопрос. Насчет Зоны этот парень не шутил никогда.

– Замечал, как мутанты перемещаются по «игровой площадке»? – продолжал он. – Кто-то не столько бежит по плиткам, сколько идет, медленно и тщательно ставит ноги, а все равно хоть раз, да промахнется. А кто-то мчится, как по ровному и гладкому, и ни разу не наступит на щель или трещину. В чем между ними разница, ответишь?

– В умении взаимодействовать с Зоной.

Эйнштейн обрадовался:

– Вот! Вы меня восхищаете, мистер Панов. Умение взаимодействовать с Зоной, а также степень этого умения тест и выявляет. Природа связи биологических объектов с Зоной совершенно пока непонятна, но связь определенно существует. У кого-то она в зачаточном состоянии, у кого развита до уровня рефлексов. Что такое стыки и трещины на площадке? Это опасность, маленькая, но все-таки. Тот, кто на них не наступает, находится в безопасности. И вот мы наблюдаем, что у некоторых «образцов» – у детей, пардон! детей, конечно! – движения координируются с явным участием внешней силы. Они, может, даже хотели бы вляпаться, наступить неправильно, но нога сама туда не идет. А что это значит в общем смысле? Такие умельцы бессознательно или полусознательно уходят от опасности в Зоне, чувствуют ее до трещинки. Или Зона им помогает, кто знает... Суть теста, Питер, в выявлении этого симбиоза. И ты его играючи прошел.

– Капельница закончилась, – мотнул я головой. – Можно вытащить иглу?

– Я сам. Подожди, не садись, рано еще. Ты хоть что-то осознал из услышанного?

– А то как же. Я феномен.

– Ты аномал, Питер, и давно это скрываешь с переменным успехом. Я бы тебя записал в условную электромагнитную группу аномалов. На зуб нашим спецам пока не попал, но после сегодняшнего случая с электровзном я бы на тебя много не поставил. Речь о другом. Там, где мы совсем скоро окажемся, такие симбионты – мощное средство выживания, и я на тебя надеюсь. Тебе придется набирать опыт на ходу. Слабенькие сигналы Зоны, к сожалению, накладываются на мощный фон естественных страхов, чтобы услышать их, нужно доверять своим чувствам.

– Как вы своим?

– Э, дружок, мне бы хоть часть твоих талантов! И еще я хотел сказать, наверное, самое главное. Ты сегодня впервые побывал в Зоне. Не люблю пустого пафоса, но это инициация, Питер. Это уже необратимо.

– Теперь мои дети будут мутантами, – ужаснулся я и закрыл лицо руками, изображая рыдания.

– Не паясничай, проблема «детей аномалов» решается просто, потом расскажу, каким образом. К тому же неактуальна. Если не ошибаюсь, тебе сначала надо маму с папой спасти?

– Да, – сказал я и сел.

Он был прав, а я был идиотом. Ситуация взывала к серьезности и мобилизации всех ресурсов. Я сдвинул шторку и посмотрел в окно: уже пересекли «железку» и мост через реку Нижнюю, оставили позади Центральный парк, сейчас проезжали насквозь новый комплекс МИВК. Зона представляла собой в плане почти правильный равнобедренный треугольник, а в город вторгалась вершиной. Основание лежало на севере, вершина смотрела на юг, то есть на всех хармонтских картах треугольник был перевернут. У левой стороны (следуя карте) располагалось старое здание Института с принадлежащим ему западным КПП и пристроенным «Детским садом». Южный КПП висел точно в вершине, внизу треугольника, а восточный, соответственно, был на правой стороне. Таким образом, мы вынужденно огибали почти всю городскую часть Зоны. Впрочем, ехать оставалось совсем чуть-чуть.

Голова закружилась, в глазах потемнело, и я упал обратно на сиденье.

– Почему на восточный КПП? – спросил я.

– Потому что оттуда ближе и удобнее до Сити. И маршрут по Зоне тобой отработан на тренажере, ну, почти отработан.

– Зачем нам в Сити?

– К моему великому сожалению, я проиграл тебе пари. – Он печально поцокал языком. – Я ставил на Светлячка, а он опозорил и себя, и меня. Чего пучишься? Да, состязание получилось не совсем то, к которому готовились, но оно фактически состоялось! Я так на новичка надеялся, был уверен в его возможностях, а он оказался без характера. Его вообще не было видно в отличие от твоего Дракулы, который показал себя настоящим героем... – Эйнштейн махнул рукой.

– Да ваш Светлячок просто растерялся! – Я возмутился, на миг потеряв ориентацию в разговоре. – Не всем же воевать! Вы ждете от мальчишки слишком многого, и вообще, при чем здесь пари?

– При том, что я привык платить по счетам. Я обещал, если проиграю, рассказать, какой приз ждал тебя в конце рейда по виртуальной Зоне. Надеюсь, тебе еще интересна разгадка? Раскрываю секрет – предмет тот же самый, который я когда-то очень давно спрятал в реальном Сити. Называется «мыло».

– Для «Душевой»? – не поверил я и опять сел, не выдержав. Ну и темы, ну и виражи! – «Душевая» что, не легенда?

– Почему не легенда? Легенда тоже. Одно другому не мешает.

– И вы знаете, где она находится?

– Как же мне не знать, если я ее нашел по молодости. Вернее, мы. Наша дружная троица, благополучно потом распавшаяся, как это бывает со всеми компаниями, которые сводит Зона.

– Живчик, Пинк Флойд... – пробормотал я. – Антисемит...

– Да-да, – согласился он, ничуть не удивившись моей осведомленности. – Живчик, Пинк Флойд и прочие... Так, давай не отвлекаться, об этом успеем еще наговориться. Маршрут я планирую такой: сначала в Сити, забираем «мыло». Оттуда – за «мочалкой» и за картой, которые лежат где-то в твоей «кладовке». Оттуда – в «Душевую». А дальше я не загадываю, как дело пойдет... Или, может, сначала в «кладовку», как думаешь, напарник?

– Вы прочитали папину записку, – сказал я с горечью. – Вы... вы...

Если честно, я не испытывал такой уж особой обиды или, там, злости. То ли чувства притупились, то ли поумнел с утра. А может, химия из капельницы меня притормозила, я ж не знаю, чего мой «напарник» в меня закачал. Но разочарование все-таки было, отношение мое к боссу в этот момент изменилось. Честно говоря, тоскливо стало.

Машина остановилась. Водитель обернулся к нам и постучал костяшками пальцев по стеклу: приехали, мол. В окна были видны бетонные кубы КПП, перед которыми рассти-

лалось огромное заасфальтированное пространство, отлично простреливаемое. Стволы на КПП смотрели в обе стороны – и в Зону, и в город.

Эйнштейн открыл дверцу, высунулся наружу и предупредил водителя:

– Пока просто постоим.

Вернулся в салон и сообщил уже мне:

– Разговор важный, закончить надо.

– Заканчивайте, – не стал я возражать.

– Я обыскал тебя, пока ты был беспомощен. Нашел записку и прочитал. Угрызений совести по этому поводу не испытываю. Сейчас нам не до щепетильности и не до хороших манер. Когда стоит вопрос о существовании целого вида, когда начинается война, условности уходят в тыл. А вопрос стоит именно таким образом – сохранитесь ли вы, младенцы Зоны, или вас истребят. И чем скорее ты поймешь, кто ты сам такой и на чьей стороне, тем легче тебе будет выжить.

– Я на стороне своих родителей.

– А все взаимосвязано, не обольщайся. Вот ты знаешь, что ваш дом обыскали?

– Полиция, – пожал я плечами. – Папу подставили.

– Нет-нет, во второй раз! ПОСЛЕ официального обыска. Ровно в то время, когда тахорг резвился на «игровой площадке». Я послал человека следить за вашим коттеджем... Это была не полиция, Питер, а искали они, конечно, гипотетическую «мочалку». И в дом вашей «старейшины», милейшей вашей бабушки, тоже проникли, как только она понесла в следственный изолятор передачу для Макса.

Тоска набирала обороты. Вряд ли Эйнштейн врал, это было совсем на него не похоже. Да и смысла врать так мелко я не видел после всего сказанного.

– Люди Носорога? – спросил я его.

– Нет, другие. Зачем Носорогу «мочалка», если у них есть «Джек-попрыгунчик»?

– Если «попрыгунчик» это артефакт, то его у Носорога украли. А сам он, между прочим, в городе.

– Носорог в городе, потому что ищет свою дочь.

– Натали.

– Да, девочку с украденным артефактом. Но сейчас ему нет дела до твоего отца, во всяком случае – временно.

– У него жену убили!

– Но не Макс же. Поверь на слово, Носорог умный парень, на туфту не ведется.

– Короче, по-вашему, кто-то ищет «мочалку». У нас в кладовках.

– Совершенно верно.

– Я польщен. И кто же?

– Круг соискателей невелик, мы обязательно выясним, кто конкретно в игре. Другое важно, Питер. Повторный обыск ваших жилищ означает, что кто-то, кроме меня, знает содержание записки от Макса, но при этом не знает, что зашифровано под словом «кладовка». Из чего следует, что Макс пока не «раскололся» и не выложил все свои секреты. Возможно, за него плотно не взялись, хотя надежды на это мало. Возникает вопрос: кто мог знать содержание записки, кроме тебя?

– Только двое, бабушка и Крюк. Крюк – это Вацлав, сын Каролин Новак.

– Кого-то подозреваешь?

Подозрения у меня были, но делиться ими с нынешним Эйнштейном, который оказался вдруг совсем не тем человеком, которого я всю жизнь знал, желания не возникло. И неприязнь свою я также не собирался скрывать.

– Никого.

Он усмехнулся:

– Ну и хорошо. Верить близким людям – преимущество молодости. Уверен, Зона нас с тобой сблизит. Я понимаю, сейчас ты не скажешь мне, что такое «кладовка». Это твой выбор, и упирается он в доверие ко мне... – Эйнштейн заговорил резко, отрывисто, будто гавкал, и я увидел наконец, как сильно он нервничает.

И я вдруг догадался, что в течение всего нашего разговора он пребывал в страшном напряжении, которому не мог позволить проявиться, что на самом деле он... боится! Чего? Или кого?

– Я не настаиваю, чтоб ты выдавал мне семейные секреты, – рубил Эйнштейн. – Шел поперек отца. Потому и пойдем мы сначала в Сити, а не в вашу с Максом «кладовку», хотя, если по уму, надо бы немедленно, не теряя ни минуты, мчаться и изымать «мочалку». Пока не попала в чужие руки. Понимаю, ты мне пока не доверяешь. Зона должна все расставить по местам, в том числе в твоей голове...

– На Зону вся надежда, – произнес я иронически.

Он сморгнул и замолчал. Он словно проснулся.

– Придумали мне тут какой-то выбор, – продолжал я. – Типа «сказать или не сказать, вот в чем вопрос». Поинтересовались бы для начала, понимаю ли я, что такое «кладовка»? Не понимаю, босс! Хрен его знает, что папа имел в виду! Не в доверии дело.

– А меня радует твой сарказм, – сказал Эйнштейн, зашевелился, задвигался, сполз на пол и начал шарить по своим запасам. – Ты чего-то не понимаешь? Непременно поймешь... Так, взял ли я картриджи... Маркеры на месте, а картриджи?.. Сарказм, дружок, это важный показатель мозговой активности, и похоже, ты снова в форме. Так, где наши пропуска... – Он поднял на меня взгляд и кинул мне пустой рюкзак. – Ты, кажется, рвался спасти маму с папой? Тогда собирайся! Тебе еще спецкостюм себе подбирать. На Зону вся надежда, ты абсолютно прав.

* * *

Эх, знать бы, как оно потом обернется, не грубил бы я ему настолько дешево и бессмысленно. Оно, конечно, издержки поганой ситуации, от которой я пытался защититься, но... Если б не воображал я себя крутым взрослым игроком, будучи молодым дурнем, может, и пробил бы узкую тропинку к правде – уже тогда, в салоне сталкерской тачки. И, может, удалось бы нам избежать катастрофы, проросшей сквозь ненужные тайны и осторожные недомолвки.

Однако Эйнштейн тоже хорош – нагнал драматизма на пустой сцене. Вместо того чтобы попросту и без затей объяснить пятнадцатилетнему щенку что к чему. Мы оба хороши – потанцевали друг вокруг друга, как два соперничающих павиана, сверкая красными задницами... Хотя нет, нет и нет – никаких обезьян!

Он-то человек. В отличие от меня.

Часть 2

Инфильтрация

Глава 1

Мне показалось, простоял я очень долго. Жизнь миновала, еще одна, и снова – по кругу... На самом деле меньше секунды прошло, просто время для меня вдруг растянулось, что твой бабл-гам.

Потом мне рассказали, каким я был в тот момент. Какое у меня лицо сделалось. Собственно, Эйнштейн и рассказал, больше-то рядом никого не было. Он даже испугался, решил, что я с ходу, не пройдя и метра, вляпался в психофиксатор, шибанувший мне по мозгам.

Граница Зоны.

Черта, как говорит папа, произнося это слово с особым выражением. С большой буквы – Черта.

Ждал я, конечно, сюрпризов, но всяко не от Черты. Ведь я уже ее преодолевал, я уже входил в Зону не далее как сегодня – на «игровой площадке»! И ничего такого не было... вроде бы... или было? В памяти послушно всплывало ощущение, на которое я тогда не обратил внимания, которое было задавлено страхом за маму. Зона будто толкнулась мне в лицо – поздоровалась, а я и не заметил... Заметил сейчас.

Попробуй не заметь! Даже, прошу прощения, в штанах стало тесно, образованные люди называют это эрекцией. Наркоманский «приход», внезапный кайф, что это – ирония, издевка? Или поцелуй? Честно сказать, я чуть не заплакал, когда все кончилось. Так хорошо было...

Поцелуй Зоны.

А что? Многие испытывают необычные ощущения, пересекая границу между человеческим и нечеловеческим мирами (многие, к слову, не испытывают ровным счетом ничего), и ощущения эти практически всегда неприятные. Иногда пугающие. У кого дрожь и трясучка, кого жар пробирает, кого холод. Не любит Зона гостей. Но должен же быть хоть кто-то, кому она рада? Почему бы не мне?

Насчет радости, которую ко мне здесь испытывают, – шутка. Нервы, ребята, нервы...

Линия, где начинается запретная территория, прочерчена Зоной с истинной любовью к геометрии и отлично видна в любом месте Периметра. Восточный КПП не исключение. Сквозь тектонические трещины повсюду в асфальте пробивалась трава, но если по нашу сторону это были нормальные живые сорняки, то по другую – бурая поросль, жестяная на вид, явно без фотосинтеза. Очередные уродцы-мутанты. Вдобавок черная колючка добавляла мрачности в эту линию терминала. Колючка, кстати, долгие десятилетия пыталась выжить из Зоны земную растительность, но так и не справилась. Какого происхождения были эти угольно-черные кусты, похожие на проволоку, неизвестно, скорее всего неземного, но кто знает, может, тоже что-то мутировало?

В Зоне мутирует все без исключения – и растения, и животные, и люди, и законы природы.

Законы мы оставили позади, жабам с КПП. Жабы – потому что форма соответствующего цвета. В нашей провинции (я читал) испокон века так называли вояк, но если, скажем, раздеть любого из этих молодцов – человек как человек, даже улыбаться, наверное, умеет.

Начальник караула оказался хорошим знакомым Эйнштейна, однако улыбнулся он всего один раз. Это когда Эйнштейн сказал, что я – «образец» из «Детского сада», а в Зону он меня ведет, чтобы проверить, как на мутантов действует аномалия «лунный свет», выявленная в районе бывшего административного центра города. Кстати, именно это же было написано и в его командировочном предписании: научный эксперимент, санкционированный начальством.

– Дьяволу – дьяволову, – одобрил начкар. – Проверь по полной. Опрокину за тебя стопочку, когда вернешься один. Возвращайся один, Эли.

И вот тогда улыбнулся. Хоть и ни разу не шутил.

Документы на вход он просмотрел вполглаза, разве что пропуска наши изучил чуть внимательнее. Плевать им тут было, зачем институтские прутся в Зону, лишь бы сталкерское отродье (то бишь я) поскорее покинуло их маленькую крепость. Привычная реакция на мутантов. Непривычным было только то, что в фокусе этой глухой ненависти оказался я сам – впервые в жизни...

Было два пополудни.

– Вперед, – скомандовал Эйнштейн. – Ты первый.

– Типа «отмычка»? – осведомился я. – Отпирать мною ловушки?

– Не говори ерунду. Начало маршрута ты проходил раз десять, пусть и на тренажере, так что тебе здесь все знакомо. Считай, тренировка.

– Есть, командир!

Я храбрился и фиглярствовал, потому что потряхивало меня конкретно, а «поцелуй Зоны», между нами, только усилил страхи. Тренажер – оно, конечно, дело полезное, но... Картинки, рожденные нейроиндуктором, соотносятся с реальностью, как бутафорское пирожное с пирожным из бисквита и крема: по виду разницы никакой, пока не попробовал на вкус. Проецирование чувственных образов непосредственно в мозг обладает всего одним, но решающим недостатком: как бы ни был хорош смоделированный мир, подсознание каждое мгновение помнит, что на самом деле ты лежишь в саркофаге.

Страх не тот.

А здесь – все настоящее: ветер, запах, хрустящий под ногами щебень, иное небо над головой.

Но маршрут и вправду знаком.

– По дороге? – спросил я у босса.

– Пока так. Направление – перекресток. Медленно.

– Потом налево?

– Не уверен, что пойдем через перекресток, по ходу решим. Не отвлекайся. Третье золотое правило сталкера помнишь? Голова вращается влево и вправо, а глаза при этом вверх-вниз. Давай, давай, не дрейфь!

– А первое и второе?

– Потом напомним при случае. Не забудь про символическую гайку.

Я вытащил гайку из мешочка на поясе и кинул ее перед собой. Делать это было совсем не обязательно, во всяком случае, не здесь. Так что символическая, ага. «Первый шаг начинается с первой гайки». В условиях постоянной опасности любое обычное действие легко превращается в ритуальное и становится источником суеверий. Кто-то потом стыдливо называет это традицией.

Я сделал шаг, потом еще шаг.

Защитный костюм практически не сковывал движений и был на удивление легким. Если не ввали, то в рабочем режиме, то есть с забранным шлемом-капюшоном, стопроцентно герметичный. Мало того, он еще и от жары спасал, создавая внутри комфортную среду. Композитные материалы, нанотехнологии, что вы хотите. И если обычные институт-

ские спецкостюмы ярко окрашены, чаще всего в оранжевый цвет, то наши с Эйнштейном были военного образца, грязно-серые.

Сейчас головы и руки у нас были открыты. Капюшоны свободно висели на спинах, перчатки покоились в поясных сумках.

Эйнштейн, кроме обычных и понятных вещей, зачем-то нес мотоциклетный шлем, привязанный ремешками к рюкзаку. На мой вопрос, на чем ездить собрались, загадочно ответил – это чтоб на мне не поездили.

Еще шаг!

И пошло...

– Из пробника все-таки постреливай, мало ли, – подсказал сзади Эйнштейн.

Интересно, кто из нас больше волновался, он или я?

Пробник был у меня в руке. Штука вроде детского пружинного пистолета, выбрасывающего пластиковые или стальные шарики в зависимости от вкусов владельца. Магазин на пятьдесят шариков, максимальная дальность – пятнадцать-двадцать шагов. Существовал также пробник другого типа, пневматический, использующий те же боеприпасы, – по сути, настоящий пневматический пистолет. Стрелял он далеко, но пользовались им в крайних случаях, слишком уж шумный. Эту штуку я тоже имел на вооружении. Как и маркер, конечно, однако маркер – отдельная песня... Так вот, нынешние профи предпочитали пользоваться не гайками, а пробниками и маркерами. Хотя неприменимый мешочек с брякающими железяками лежал в разгрузке любого самого наворочанного профи. Традиция, она же суеверие...

Дорога выводила в район, где концентрировались всевозможные мелкие предприятия, и до Посещения была одной из Хордовых линий. Далее она уходила за «железку», а уже за рекой превращалась в Юго-Западное шоссе. Так было когда-то. Зона перерезала эту популярную трассу, а КПП, вбитый людьми прямо посреди бывшей магистрали, завершил операцию по отсечению. Теоретически по этой Хорде можно было бы дойти прямо до Сити, но путепровод над железной дорогой давно обрушился. Место обрушения кишело аномалиями, его по возможности избегали, да и прямой путь в Зоне чаще всего ведет в могилу (тоже золотое правило, номер не знаю). Кто-то обходил развалины моста справа, через железнодорожную станцию с незатейливым названием «ТЭС», и потом по территории собственно ТЭС. Мы собирались пересечь «железку» слева – как я проделывал это на тренажере, – а там, из бывшего центра Хармонта, было рукой подать до бизнес-квартала.

– «Лунный свет» – это новая аномалия? – спросил я. – Не читал про нее.

– Старая, – отозвался Эйнштейн, – просто редкая. И не опасная, если идешь не один.

– А если один?

– Тогда лучше не вляпываться. У лунатиков, как рассказывают, жизнь восхитительно счастливая, но слишком уж короткая. Кстати, хорошо, что напомнил, Пэн. Новых аномалий и вправду в последнее время прибавилось, я видел отчеты. Аналитики считают, начался ротационный цикл. Знаешь, что это такое?

– Старые исчезают, появляются новые.

– Не все старые исчезают, есть базовые, вроде как вечные, они остаются. «Комариные плешки», «прожарки», «давилки» и все такое прочее. С ними-то понятно, а вот с новыми, Пэн, – беда. Представь, ты ползешь по Зоне в первые дни после Посещения, не зная еще, какие бывают ловушки, как их учуять... Бр-р! Такие циклы на моей памяти были дважды, сейчас, похоже, третий. Никто не знает, что их вызывает, закономерности не найдены, но все признаки налицо.

– И что нам делать?

– Молиться, – усмехнулся он. – И во все уши слушать, что нам отвечают на молитвы.

Я возразил:

– Гаечки бросать тоже важно. Я где-то читал, что гайки в Зоне – самое ценное изобретение, что именно оно создало сталкеров и сталкерство. Тот, кто бросил перед собой кусочек железа, прежде чем сделать шаг, и был первым сталкером. С этого неизвестного гения и пошло освоение и изучение Зоны. Все остальные, кто ходил сюда до гаечек, были придурками, вешками на будущих картах, а он, этот парень, – штучный образец, элита нации...

– Вот и пуляй, – сказал Эйнштейн. – Направление – на десять часов. Дойди до билборда и стой, элита нации.

Билборд располагался по левую руку. На выветрившемся и выгоревшем рисунке знойная блондинка пожирала с хищным аппетитом гигантский сандвич, от надписи осталось только «Бон аппетит». Плакат, очевидно, намекал путникам, что не худо бы посетить стоящий чуть в глубине куриный ресторанчик «Озорные нагетсы».

Я сошел на обочину, дотопал до врытого в землю щита и послушно встал. Эйнштейн углядел в траве ржавый кусок трубы, подхватил его и, обогнув меня, осторожно приблизился к плакату. Буквально подкрался на полусогнутых.

– Смотри, – сказал он мне. – Что-нибудь замечаешь?

– Тень? – предположил я с сомнением.

Тень от билборда была густая, плотная, она не столько лежала на земле, сколько висела в воздухе. Кусочек черноты в ослепительно ярком мареве.

– Надень капюшон и опусти забрало, – сказал Эйнштейн.

Я исполнил. Сам он сделал то же самое и только после этого сунул трубу в подозрительную тень.

Мерзкий стальной визг сотряс воздух, веером полетели ржавые ошметки. Пространство возле щита бурлило, куски металла сыпались во все стороны – как поражающие элементы. Вzbесившийся металлообрабатывающий станок...

– «Тещин язык»! – воскликнул я с восторгом.

Пара секунд – и все стихло. Эйнштейн показал мне жалкий огрызок трубы, словно между двумя промышленными терками побывавший (если такие существуют).

– Представь, что это рука.

Да уж, нагляднее некуда.

– Костюм спасает? – спросил я.

– Нет. Раздерет с той же легкостью, что и кожу.

– Это ведь старая аномалия? Я читал, «тещины языки» начали обнаруживать, начиная примерно с семидесятых.

– Еще раз услышу от тебя «я читал», расквашу нос, – ровным голосом произнес Эйнштейн. – Вот тебе Зона! Смотри, нюхай, слушай. Впитывай, черт возьми, иначе толку не будет. А этот конкретный «язык» – наоборот, что-то новенькое. Раньше они только между двумя или более стенками формировались, а здесь – в открытую, у одной всего поверхности.

– Понял, сэр, есть впитывать, сэр!

– Мальчишка... – покачал он головой. – Хочу тебе доложить, ты по-прежнему не наступаешь на трещины в асфальте. Ни разу, пока шли сюда.

– Я не специально.

– Понимаю. Просто наблюдение.

– А вы все ждете от меня чудес? – почему-то рассердился я. – Симбиоз с врагом, свой среди Чужих, последний суперсталкер... Босс, я пока ничего особого в себе не ощущаю. Извините.

Он вздохнул.

– Ладно, двинулись.

– К перекрестку?

– Лучше срежем – мимо «Наггетсов». Не нравится мне эта пыль на дороге, опять что-то новенькое объявилось. – Странное облегчение почудилось мне в его голосе. – Ведь совсем рядом с Периметром, что ж они не докладывают, засранцы... Меняемся местами, Пэн. Впереди – я, твоя тренировка закончилась.

Я присмотрелся к дороге. Вот так сразу понять, что там Эйнштейну не понравилось, оказалось непросто. А потом – как будто шторы на глазах раздвинулись... Ну и опыт у мужика, ну и нюх! Дались ему мои стыки и трещины, ей-богу... Действительно, перед самым перекрестком, заняв чуть ли не всю проезжую часть, поднимался в воздух едва видимый столб то ли пыли, то ли еще чего – диаметром не менее пяти ярдов. Струились, уходя в небо и теряясь в вышине, эфирные токи, неся в себе мельчайшие частицы какой-то взвеси. Если специально не смотреть, ни за что не заметишь, особенно в пасмурный день. Сейчас, на ярком солнце, свет удачно преломлялся на границах столба, выдавая и масштаб явления, и сам факт его существования. Хотя достаточно чуть сдвинуться – и все, картинка пропала, нет никакого столба. Сдвинулся обратно – вот же он... Вляпались бы мы за милую душу, и конец сказке!

Честно говоря, пробрало меня от этой перспективы. В Зоне плохо иметь воображение. Гробануться в прямой видимости от КПП – вот смеху-то...

Тронулись в направлении ресторанчика. Ступили на гравийную дорожку, удивительно сохранившуюся с прошлых времен.

– У меня тоже есть интересное наблюдение, – сказал я Эйнштейну в спину. – Пока мы шли эти три сотни ярдов, вы постоянно оборачивались и смотрели назад. Кого-то ждете, босс?

– У тебя глаза на затылке?

– Сами же наказали крутить головой и глазами, причем во всех направлениях, вот я и старался.

Он смолчал. Я ждал ответа и не дождался. Миновали стоянку для машин с единственным насквозь сгнившим пикапом, принадлежавшим, возможно, хозяину заведения. Светский разговор буксовал, тогда я заговорил сам:

– Босс, вы не любите перекрестки?

Думал – шучу, оказалось – если бы так.

– В Зоне? Я их боюсь, – легко сознался он. – Иногда приходится с собой бороться, если позарез надо идти. Такая проблема, дружок.

– Ничего себе! Почему?

– А мне вдруг начинает казаться, будто это не перекресток двух улиц, а прицел. Огромный прицел, и я – в центре перекрестия. Вот-вот, думаю, кто-то сверху шмальнет... Это, Питер, обычный сталкерский психоз, фобия. У каждого из нас что-то такое есть, в чем неловко признаваться. Потом мы тащим это с собой на гражданку.

– Ну да, из некоторых фобий и суеверий даже популярные игры вылупляются, – съязвил я. – Например, как всем сталкерам известно, категорически нельзя наступать на стыки, будь то каменная плитка под ногой, дощатый настил, бетонка. Возвращаясь из Зоны, вы не смогли избавиться от этой полезной привычки, так и родился хот-степ. Я вас очень уважаю, босс, но я не встречал в жизни людей суевернее сталкеров...

Меня понесло. Говорил и говорил. Сам понимал, что несет, как дизентерийного, а не остановиться.

Нервы, чтоб их. Я ведь слукавил, когда сказал Эйнштейну, мол, ничего необычного не ощущаю, мол, никаких изменений, вызванных Зоной, в себе не фиксирую. На самом деле история с «тешинным языком» что-то включила во мне. Ох, не зря Эйнштейн придумал эту жутковатую демонстрацию, способную поразить психику любого новичка. А потом этот эфирный столб на шоссе... Меня проняло. Наконец-то я понял – здесь тебе не тренажер,

Пэн, здесь гробануться – что два пальца об асфальт... Опасность была везде – слева, справа, спереди, под ногами. Все обострилось, все было предельно. Импульсы страха пробивали реальность.

Я видел. В здании ресторана ждала гостей паутина, большая и голодная, заплела весь столовый зал, а по невидимым нитям ее пульсировала ядовитая кровь... В мотеле, что по соседству... нет, в подвале мотеля – там хозяйничало нечто ужасающе холодное; космический холод, наделенный волей и злостью, дышал в окна мотеля, заставляя тело случайного путника (мое тело) покрываться мурашками... Под землей тянулась труба с кабелями, я видел их все, до каждой медной жилки, большая часть кабелей лежали мертво, но были и такие, по которым почему-то текли токи... Что все это? Самообман, глюки? Тот самый психоз, о котором предупреждал Эйнштейн?

Он принял мой выплеск насчет суеверий, не перебивая и не оборачиваясь.

– Остроумно, – сказал он с одобрением, когда я закончил. – Кстати, вот тебе еще кое-что пикантное про хот-степ. Про наш, про институтский, который на самом деле не игра, а тест на совместимость с Зоной. Согласно одной из гипотез, существуют мутанты, на которых «игровая площадка» вообще не реагирует, не важно, наступает он на стыки или ставит ногу аккуратно. Искр не будет в любом варианте, не надо беречься. И это, по мысли наших теоретиков, высшая степень взаимодействия с Зоной. Это значит, Зона принимает тебя за свою часть, не считает тебя кусочком Земли.

– И что, – заинтересовался я, – такие мутанты вправду есть?

– Увы, подобные экземпляры пока не обнаружены.

Мы благополучно миновали «Наггетсы». Мотель тоже остался в стороне. Эйнштейн шел уверенно и сравнительно быстро, не пользуясь пробниками, разве что приостанавливался иногда, чтобы понюхать воздух. Верхнее чутье у него развито, что ли? Короче, по всему было видно, человек в здешних местах – частый гость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.